



*ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН*

**ИССЛЕДОВАНИЯ  
ПО ПРИКЛАДНОЙ  
И НЕОТЛОЖНОЙ  
ЭТНОЛОГИИ**

**№ 248**

**ПЕРЕМЕНЫ В  
САМОСОЗНАНИИ И  
ЖИЗНЕННОМ УКЛАДЕ  
ЕВРОПЕЙЦЕВ НА РУБЕЖЕ  
XX–XXI-го веков  
(Австрия, Исландия, Испания,  
Сербия)**

**Москва**

**2016**

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И  
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

**№ 248**

---

**ПЕРЕМЕНЫ В САМОСОЗНАНИИ И  
ЖИЗНЕННОМ УКЛАДЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ  
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ  
(АВСТРИЯ, ИСЛАНДИЯ, ИСПАНИЯ, СЕРБИЯ)**

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-31-01021  
«Перестройка идентичности и трансформация уклада жизни  
в странах Европы на рубеже XX–XXI вв.».*

Москва  
ИЭА РАН  
2016

ББК 63.3(4)  
УДК 316.733(4)

Серия:  
Исследования по прикладной и неотложной этнологии  
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:  
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),  
к.и.н. Н.А. Лопуленко,  
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов  
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.  
При использовании ссылка на материалы обязательна.

**П-27** Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия) / Кол. авт.: Р.Н. Игнатьев, А.Н. Кожановский, И.А. Кучерова, Е.В. Холлер. – М., ИЭА РАН, 2016. – Вып. 248. – 64 с.

ISBN 978-5-4211-0153-6

Работа включает в себя статьи четырех авторов, написанные ими по результатам полевой работы в четырех европейских странах – Австрии, Исландии, Испании, Сербии. Используя различные подходы, а также исходя из полученных в «поле» материалов и исследовательских интересов, каждый автор пытается ответить на один и тот же вопрос: как трансформируются представления людей о своей культуре и себе самих в условиях современного меняющегося мира?

-

© ИЭА РАН – 2016 г.  
© Коллектив авторов – 2016 г.

# ***Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX-XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия)***

---

*Resume*

CHANGES IN CONSCIOUSNESS AND VITAL WAY OF EUROPEANS ON A BOUNDARY OF THE XX–XXI-st CENTURIES (AUSTRIA, ICELAND, SPAIN, SERBIA)

The current issue of «Issledovania po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii» [Studies in Applied and Urgent Ethnology] includes the articles by four authors based on the field research conducted in four European countries. When writing the texts, each author chose a different approach depending on field materials and his/her research interests. Nevertheless, all the four articles try to answer the same question: how the ways the people perceive themselves and their cultures are being transformed in the contemporary – and constantly changing – world?

---

## **ОГЛАВЛЕНИЕ**

*Е.В. Холлер*

**Деконструкция деконструкции, или как исследовать идентичность**

– 5 –

*Р.Н. Игнатьев*

**Полевая работа в Сербии в июне 2015 г.**

– 13 –

*А.Н. Кожановский*

**Страна басков, осень 2015 года**

– 24 –

*И.А. Кучерова*

**«Финансовые викинги», вулканы и Евросоюз: исландская идентичность после кризиса**

– 45 –

Коллектив авторов:

к.и.н. Игнатъев Роман Николаевич,  
д.и.н. Кожановский Александр Николаевич,  
м.н.с. Кучерова Ирина Алексеевна,  
к.и.н. Холлер Екатерина Викторовна.

**Р. Н. Игнатъев** в своей статье «Полевая работа в Сербии в июне 2015 г.» описывает полученные им в ходе исследования материалы и предлагает их интерпретацию. Собранные им интервью содержат значительное количество сведений о прошлых периодах, но с его точки зрения, именно беседы о прошлом хорошо выявляют современные проблемы общества. Внимание уделено локальным нарративам, которые позволяют проследить общественную трансформацию в сферах индивидуального / семейного, институциональных парадигм и изменений в пространстве, времени и аксиологии.

**А.Н. Кожановский** в статье «Страна басков, осень 2015 года» сообщает о результатах своей полевой работы, которые свидетельствуют, что в баскском регионе, как и в Испании в целом, происходят кардинальные изменения во многих значимых сферах общественной жизни. Объектом авторского внимания стали самосознание местного населения, функционирование баскского языка, восприятие национально-региональных символов и традиционных ценностей, отношение к религии, семейный уклад, положение женщины в обществе, ситуация вокруг беженцев и трудовых иммигрантов и пр.

**И.А. Кучерова** в своей статье «Финансовые викинги», вулканы и Евросоюз: исландская идентичность после кризиса», написанной по материалам полевой работы в Рейкьявике в октябре 2015 г., рассматривает изменения, произошедшие в исландском обществе после мирового финансового кризиса 2008–2011 г., и их влияние на восприятие исландцами своей страны и ее места в мире: от поиска новых форм взаимодействия власти и общества до ориентации на «глобальность» и новых символов идентичности.

**Е.В. Холлер** в своей работе «Деконструкция деконструкции, или как исследовать идентичность» проводит так называемую деконструкцию методов и процесса исследования комплексного понятия австрийской идентичности. В форме рассуждений, воспоминаний и рефлексии автор описывает процесс становления объекта исследования, а также рассказывает о различных способах вычленения маркеров идентичности из повседневности. В статье также коротко представлены составные элементы и дискурсы, из которых складывается конструкт австрийской национальной идентичности.

Е.В. Холлер

## **Деконструкция деконструкции, или как исследовать идентичность**

«*Bisch a Tiroler, bisch a Mensch*» («Если ты тиролец – ты человек») – так звучит, пожалуй, самая популярная поговорка в Тироле, которую знают по всей Австрии и применяют уже в нарицательных смыслах. Поговорка отражает региональность сознания и одновременно национальную идентичность всех австрийцев, поскольку применяют её уже не только представители Тироля, но и других административных областей страны, пытаясь выделить своих земляков или даже всех австрийцев в категорию особенных европейцев.

Примечательно, что именно со случайного разговора с двумя тирольцами началось мое исследование австрийской идентичности. До того исследование столь широкой, многогранной и уже в меру исчерпанной темы представлялось мне сложным, а идентичность виделась некой мифологемой. Научное озарение произошло в непринужденной обстановке в венском кафе, когда со мной и моей знакомой заговорили сидящие за соседним столиком мужчины. После коротких символических комплиментов местной еде первый комментарий, адресованный моей коллеге, был: «*А ты не из Вены!*». Девушка, которая до этого говорила со мной на хорошем немецком, тут же перешла на сильно выраженный верхнеавстрийский диалект: «*Я из Верхней Австрии*». Казалось бы, ничего сверхъестественного, но на этом выяснение происхождения всех собеседников не окончилось. Около двух минут моя подруга Ирми и два незнакомца, как выяснилось, из Тироля, делились географическими данными их родных мест: «*А это рядом с городом N?*» – «*Знаю, я там бывал*» и т.д. Затем к нам внезапно присоединяется ещё одна знакомая, на что Ирми бросает реплику: «*А вот она [пришедшая] тоже из Тироля*», и «регионоведческий диалог» продолжается ещё несколько минут. Самое интересное было то, что ни наших имен, ни других данных мужчины не спросили. Продолжать разговор также никто не стремился. Все остались удовлетворены общением, в ходе которого собеседники всего лишь обозначили свою региональную идентичность, убедившись также в разделении всеми акторами, кроме меня, австрийской национальной идентичности. То есть легитимировали беседу, обозначив между собой что-то общее, и углубились в обособление себя – или в представление себя – при помощи региональных отличий.

После такого случая, я начала понимать, что австрийская идентичность – комплексный конструкт – национальная идентичность, представленная смесью регионального, социального, этнического и религиозного самосознания. Причём сама эта австрийская идентичность не нарративна, её сложно выразить словами, хотя ею пронизаны все сферы жизни. Именно поэтому мне пришлось её вычленять и выуживать из индивидуальных идентичностей моих информантов и из других источников, приведенных ниже. А индивидуальная идентичность, согласно теоретикам постмодернизма<sup>1</sup>, это «*patchwork*», проект самоконституции, когда ты сам берешь ингредиенты и создаешь свою идентичность, т.е. себя из лоскутков в условиях излишнего многообразия опций и вариаций, будь то сознательно или нет. Нас же интересуют те «лоскутки», которые выбирают большинство австрийцев.

Для исследования этого конструкта необходима и структура, и широкий охват. Начнем со второго условия: широкий охват проявился в выборе информантов абсолютно разных возрастов, социальных слоев, профессий и происхождений. Здесь имеются в виду не только представители различных регионов Австрии, но и мигранты, прожившие в Австрии не менее года, которые смогли привнести в исследование взгляд извне, который, естественно, не чужд стереотипов, но стереотипов более когнитивных и глубинных, нежели у туристов. Вопросы для интервью были хоть и структурированы, но, в большинстве своём, не конкретны. Так я пыталась выяснить не только, где и в каких условиях живут респонденты, но и где и в каких условиях они хотели бы жить. Именно такой подход «фантазий на тему» позволяет выяснить фаворизируемые виды идентичности.

Тему исследования, по возможности, я пыталась завуалировать под неопределенным «изучение австрийцев», только в некоторых случаях особо интересующимся информантам пришлось пояснять, что исследуется «австрийская идентичность». Интервью-беседа была организована именно по двум основным направляющим – личные вопросы и вопросы об обществе. Причём часто они были парно-дополняющие и имели различные ответы: «*Кто такие европейцы?*» и «*Считаете ли Вы себя европейцем?*». Допустим, информант из Штирии может сказать, что штирийцы являются «*суровыми, тихими и закрытыми*» и быть при этом полной противоположностью феномена<sup>2</sup>. При этом на вопрос, считает ли он себя типичным штирийцем, отвечает утвердительно, приводя в пример другие качества, присущие им (а значит и ему): «*предприимчивость, серьезность и усердие*». Помимо организованных бесед проводились и спонтанные интервью, т.е. создавалась максимально непринужденная обстановка, которая, как оказалось, благотворно повлияла на результаты. Широкий охват оправдывает и метод наблюдения, который применялся практически беспрерывно (будучи профессиональным этнологом, сложно не применять его постоянно).

Идентичность, как уже было сказано, – трудноуловимый объект исследования, которым пронизаны все сферы жизни, именно поэтому помимо работы с

людьми необходимо было расширить методологию исследований. К тому же, меня вдохновила статья «Идентичность» американской исследовательницы Лоурен Лив, которая видит в чрезмерной спекуляции на тему идентичности и её отстаивании воплощение интересов властных кругов: вводя понятие «политики идентичности», она ставит под сомнение естественность желаний культивации идентичностей, а видит в этом процессе лишь способ контроля общества системой, т.е. лоббирование интересов власти, которая впоследствии выдает их за наши собственные мысли<sup>3</sup>.

Эта немного конспирологическая теория подтолкнула меня на изучение способов навязывания политики идентичности, а самое эффективное навязывание возможно с помощью средств массовой информации и общественных мероприятий. В идеале для полноценного освещения этой стороны медали необходимо было не упустить из виду ни телевидение, ни прессу, ни художественную литературу, ни искусство. Однако такая работа требует титанических вложений, поэтому в рамках работы по гранту я ограничилась лишь контент-анализом прессы, школьной учебной литературы и посещением выставок, каким-либо образом отражающих австрийскую идентичность.

Набор может показаться весьма странным, но его можно обосновать. На журнал «Servus» меня натолкнула информантка, которая участвовала в моем другом, не связанном с идентичностью исследовании, сказав, что австрийцам навязывают определеннный образ их культуры: «*достаточно открыть этот слащавый журнал Servus*»<sup>4</sup>. И действительно, издание оказалось идеальной символической моделью «типично-австрийской» культуры на 150 страниц. В картинках и текстах журнала как раз и проявлялась та самая фаворизируемая, а значит собирательная идентичность, которую я уже после проведенного анализа и обозначила по имени издания «Servus-идентичность». Пролистав любой его выпуск, вы найдете большое количество изображений деревенской идиллии с деревянным домиком, фермерскими продуктами и мирно пасущимися альпийскими коровами на фоне горного пейзажа, а также воплощение венского уюта со старинными рецептами штруделя. Этот журнал, однако, стоит отнести к специализированным, поэтому для полноты картины нельзя было обойти стороной и самую популярную бульварную газету Австрии «Kronezeitung» – рассчитанное на широкую публику ежедневное издание. Именно в таких газетах, которые стараются угодить всякому читателю, можно найти спрятанную пропаганду фаворизируемых форм идентичности, особенно в колонках, посвященных праздникам и традициям, а также в рекламе.

Школьные учебники – отдельный случай, претендующий на самостоятельную статью, но в рамках данной работы я сконцентрировалась на учебниках истории, которые в отличие от российских отражают и сегодняшнюю политически-экономически-социальную ситуацию в стране. То есть представляют собой смесь истории и обществознания. Особое внимание в исследовании я уделила учебнику

для седьмого класса, соответствующего нашему десятому, в котором я нашла целую главу под названием «Австрийское сознание и идентичность». Первая часть её посвящена отношению австрийцев к своему национал-социалистическому прошлому. В качестве примера приведён монолог антигероя герра Карла из часового художественного фильма-кабаре, снятого в 1961 г. по сценарию Гельмута Куалтингера и Карла Мерца. Мужчина рассказывает о своей жизни, жалуясь на то, что он сам является жертвой режима, и в отличие от других, разбогатевших и нажившихся во время правления Гитлера, он ничего не получил, а просто был как все<sup>5</sup>. Для более тщательного анализа пришлось посмотреть фильм полностью.

Симпатичный и милый, на первый взгляд, герр Карл всё больше проявляет себя в фильме как оппортунист. Всё дело в том, что Австрия по окончании Второй мировой войны была публично провозглашена первой жертвой режима Гитлера, в связи с этим критическое отношение народа к собственной истории проявляется не сразу. В данном случае в образе герра Карла учебник показывает ученикам типичного австрийца послевоенного времени – оппортуниста, ищущего оправдание своему прошлому.

Этот образ австрийцев не нов, но удивляет именно то, что его представляют ученикам старших классов в главе: «Австрийская идентичность. Обращение австрийцев с их прошлым». То есть юным читателям навязывается облик типичного австрийца 60-х гг., претендующий на универсальность. Здесь сразу прослеживается живой пример проявления теории социальной идентичности Генри Тэджфела, согласно которой индивид категоризирует группу, к которой принадлежит, априори позитивно, и, как правило, используя стереотипные образы. Поэтому по принадлежности или непринадлежности к какой-либо группе он создает свою собственную идентичность. А в случае, если группа, с которой индивид себя соотносит, проявляет негативные качества, то он старается интерпретировать их как позитивные или «покинуть группу», что в случае с национальной идентичностью крайне сложно<sup>6</sup>.

И несмотря на то, что уже существование такого фильма говорит о зарождающейся в 60-е гг. рефлексии общества на тему войны, негативный образ австрийца-оппортуниста компенсируется некой идеализацией Габсбургов и Империи, ведь даже ярому гонению на евреев Марии Терезии в школьных учебниках посвящено лишь несколько предложений.

Также в исследуемой главе «Австрийское сознание и идентичность» в критериях национальной гордости, страхов, жизненных приоритетов и отношения к демократии, по данным статистики, воспроизведены собирательные образы типичных австрийца/австрийки. Причём в качестве задания ученикам предлагалось определить по этим критериям, являются ли они «типичными австрийцами» или нет. Как видно, тот хрупкий конструкт эфемерной идентичности, который мы пытаемся нащупать, не исказив факты, в учебнике представлен довольно грубо и стереотипич-

но. В данном разделе также определен период зарождения национальной идентичности – подписание декларации о независимости Австрии в 1955 г., с чем я бы поспорила, поскольку считаю точкой отсчёта 1529-й г., когда Австрия впервые консолидировалась как нация в борьбе с турками.

Ещё одним нетривиальным методом контент-анализа стало посещение ежегодной региональной выставки в Нижней Австрии: «Ötscherreich. Die Alpen und wir» (Регион Отчер. Альпы и мы), посвященной горному альпийскому массиву Отчер. Экспозиция раскрывает региональную идентичность, окаймленную не административной, а горной границей. В отличие от любого краеведческого музея, выставка ориентирована не на объекты и артефакты, а именно на самоидентификацию жителей этого региона в Австрии – чем она отличается от таковой в любом другом регионе страны. На фоне изображения альпийских ландшафтов, крестьянского образа жизни и рудодобывающей промышленности была предпринята попытка найти именно особую традиционную одежду, выдающиеся достижения в промышленности, редкий альпийский цветок и т.д. В результате постоянно позиционируется особенность, или уникальность, региона (природа, промышленность, традиции). Стоит заметить, что сегодня, по сути, область массива Ötscher мало чем отличается от остальных горных районов, где также есть живописные прогулочные тропинки, туризм, фермеры и свежий воздух, поэтому сейчас вся уникальность осталась на уровне истории. При этом самоидентификация жителей региона связана именно с прошлым, т.е. с крестьянскими традициями, с расцветом горнодобывающей промышленности в конце девятнадцатого века, с тяжелым трудом лесорубов, на чем и основывается сегодняшний туристический бизнес.

Как было выяснено, яркая ориентация идентичности на прошлое проявляет себя и в других аспектах, поэтому эта особенность была выделена в отдельный конструктивный элемент, который я назвала «атавизация идентичности». Но «атавизмы идентичности», утратившие изначальную функцию, приобретают новую – туризм. В связи с этим весьма примечательна завершающая выставку экспозиция, посвященная современному туризму в регионе Отчер, в котором снова становятся востребованными некогда существовавшие элементы культуры. Так, помимо традиционных горных походов в регионе стали популярны и экскурсии в старые соляные и железные рудники. То есть ориентация на прошлое и локальное – необходимые факторы самоидентификации людей в связи с набирающей обороты угрозой глобализации. Таким образом традиционная культура, не подверженная глобализации, а потому уникальная, становится средством идентификации. Симбиоз этих процессов – исторической локализации и глобализации – уже давно стал объектом изучения этнологов. Для определения этого процесса можно употребить термин «глокализация» (Glocalization), введенный английским социологом Роландом Робертсоном, обозначающий обоюдный процесс, когда локальное образуется при опасности глобализации, глобальное – в противовес партикуляризации, и оба эти процесса

сосуществуют довольно продуктивно<sup>7</sup>. Типичный пример глокализации, когда местные кулинарные деликатесы используются в кухне Макдональдса: акция «Hütten-gaudi» (Веселье в хижине) предлагает свиной шницель в «бургере» с луком и маринованными огурчиками, а знаменитое мороженое McFlugy – со вкусом яблочного штруделя.

Вслед за первым конструктом процесса формирования идентичности перейдем ко второму условию методологии – структуре. Структурированность метода стала в какой-то степени следствием широкого охвата элементов культуры, огромный объём которых нужно было упорядочивать. Ведь именно структура помогла сузить наш подход до двух конкретных идентичностей, т.е. даже не деконструировать уже имеющиеся термины, а сконструировать их из всех векторов, формирующих две главные идентичности австрийцев: более локальную «Servus-идентичность» и порождение глобализации – «Нейтральный гражданин мира».

Нужно сказать, что поначалу мне не виделось возможным как-либо структурировать столь эфемерный конструкт. Но в процессе изучения строительные элементы и ингредиенты базового рецепта, прослеживаемые в ответах респондентов, начали выделяться сами. Так, основной составляющей были определены стереотипы, которые вновь отсылают нас к теории социальной идентичности Генри Тэджфела, согласно которой именно стереотипы служат функцией для позитивации своей социальной идентичности<sup>8</sup>. И действительно, часто негативные стереотипы, приписываемые австрийцам, расцениваются самими австрийцами в позитивном ключе, когда лень в работе и отсутствие «немецкой пунктуальности» интерпретируются как проявление «душевности» (Gemütlichkeit) – понятие, которое само стало дискурсом. Так негативный стереотип стал позитивным отличительным маркером нации. Даже на вопрос, «на какой народ похожи австрийцы», респондентка Анна Ададек ответила: «да, мы с немцами похожи. Я знаю много очень милых немцев»<sup>9</sup>, как бы подтверждая, что эпитет «милые» соответствует типично австрийскому качеству.

В связи с выявлением в процессе исследований всё большего количества стереотипов, стали выделяться и знаковые для проблемы дискурсивные понятия, такие, как уже упомянутая «Gemütlichkeit» (душевность), Wiener Schmah (венская шутка), «Homo alpinus» (человек альпийский), а также уникальные понятия, которые трудно перевести на русский одним словом: «Brauchtumspflege» (забота о народных обычаях), «Bodenständigkeit» (осёдлость + традиционность), «Geborgenheit» (осознание защищённости в родных местах). Эти стереотипичные понятия не раз фигурировали в интервью-беседах моих информантов, после чего было решено обозначить их в качестве дискурсивных ингредиентов формирования идентичности.

Помимо дискурсивных ингредиентов прояснились и более мелкие составные части или «молекулы национальной идентичности». Одна из них – это нейтралитет, проявляющийся и в политике (Австрия – одна из пяти стран, не входящих в блок НАТО), и в рефлексии народа (когда информанты всячески пытались избежать от-

рицательных характеристик как для себя, так и для других, а если и давали их, то тут же компенсировали или нейтрализовали их положительным комментарием:

*«жители Нижней Австрии депрессивные, там столько захолустий, там точно в семьях рукоприкладствуют, хотя я знаю, это предрассудок ... с другой стороны, там есть живописные леса, камни, мистические места...»<sup>10</sup>.*

Также «молекулами идентичности» являются вытекающие из нейтралитета политкорректность и комплексы. Вторые делятся на имперский комплекс, выраженный в ностальгии по былой славе и величию Габсбургской монархии, поствоенный комплекс, отражающий неоднозначную позицию Австрии в отношении её роли во Второй мировой войне, а также постколониальный комплекс, который во многом стал для меня неожиданным, ведь Австрия никогда не владела колониями. Тем не менее, он проявляет себя в коллективном чувстве вины австрийцев за ошибки европейского колониализма и за якобы незаслуженное благосостояние. Осмелюсь предположить, что в данном случае австрийцы идентифицируют себя как европейцы, тем самым приписывая себя к другим странам с более ярким колониальным прошлым. На сегодняшний день и нейтралитет, и политкорректность, и послевоенный и постколониальный комплексы как никогда проявляют себя в действии: идентичность австрийцев прослеживается в их «образцовом» отношении к беженцам, которое, тем не менее, многие принимают за слабость, поэтому всё больше приверженцев становится у правых партий. По статистике на последних венских выборах насчитывался 31% проголосовавших за «синих» (правых), но при прямом вопросе никто не признается в этом. Фактически нейтралитет, а вместе с ним и конформизм, и политкорректность – это неотъемлемые части австрийской идентичности и отказ от этих качеств расценивается как потеря «социального лица».

Все эти «молекулы идентичности» терминологически граничат со стереотипом – главным компонентом деконструкции, поскольку сами являются символами категоризации. Но любое ли обобщение является стереотипом? Возможно, в нашем случае все компоненты будут несколько стереотипичны, потому что сама австрийская идентичность – это обобщённый конструкт, собирательный образ, которого на практике и не существует – тот же стереотип. Поэтому можно смело утверждать, что любая национальная идентичность вовсе не мифологема, а субсистенция – т.е. комплексная собирательная единица, которую можно сконструировать и деконструировать, но нельзя увидеть её живое воплощение – только составные части, которые требуют более конкретного и подробного рассмотрения в в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- <sup>1</sup> См.: *Keupp H. et al.* Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne, Reinbeck: Rowohlt, 1999; *Bauman Z.* Ansichten der Postmoderne. Hamburg und Berlin: Argument Verlag, 1995; *Behringer L.* Lebensführung als Identitätsarbeit. Der Mensch im Chaos des modernen Alltags. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1998.
- <sup>2</sup> Полевые материалы автора, сделанные в Австрии в 2015 г. (далее – ПМА, 2015). Информант: Hannes Pirker.
- <sup>3</sup> *Leve L.* Identity // *Current Anthropology*. 2012. Vol. 52. No. 4 (August 2011) // The University of Chicago Press im Auftrag von Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, Stable URL:  
<http://www.jstor.org/stable/10.1086/660999>  
Дата обращения: 13.05.2015 07:15. С. 513–535.
- <sup>4</sup> ПМА, 2015. Информант: Michaela Scolaut.
- <sup>5</sup> *Melicher F., Plattner I., Rauchegger-Fischer C.* GO! Geschichte Oberstufe 7. Вена: Verlag E. Dorner GmbH, 2013. С. 135.
- <sup>6</sup> *Tajfel H.* Gruppenkonflikt und Vorurteil. Entstehung und Funktion sozialer Stereotypen. Bern u.a.: Hans Huber Verlag, 1982. С. 102–103.
- <sup>7</sup> *Bormann R.* Raum, Zeit, Identität. Sozialtheoretische Verortungen kultureller Prozesse. *Forschung Soziologie*. Opladen: Leske+Budrich, 2001. С. 310.
- <sup>8</sup> *Tajfel H.* Gruppenkonflikt und Vorurteil. С. 102–103.
- <sup>9</sup> ПМА 2015. Информант: Anna Adamek.
- <sup>10</sup> ПМА 2015. Информант: аноним.

*Р.Н. Игнатьев*

### ***Полевая работа в Сербии в июне 2015 г.***

Работа проходила в основном на территории общин Панчево и Сечань и строилась на интервьюировании лиц разных возрастов и социальной среды с целью получить общее представление о трансформации общественной жизни в Сербии<sup>1</sup>.

Следует отметить, что тема современной трансформации многообразного уклада жизни, в котором сербское или югославское, шире балканское общество провело XX в., получила хорошее освещение в работах сербских специалистов<sup>1</sup>. Интерес к анализу изменчивой повседневности привлекает, помимо сербских, и российских этнологов<sup>2</sup>. Ключевыми объектами исследования здесь остаются идентичность и самоидентификация<sup>3</sup>.

Важным и противоречивым при этом представляется взаимодействие индивидуального и коллективного, что, в сущности, создает основу локальных нарративов (нашего непосредственного предмета изучения) и более или менее отчетливо отражает различные общественные изменения. Рассматривая данное взаимодействие, мы должны обратиться, по крайней мере, к трем областям его проявления:

1. Индивидуум/семья (его/её место в пространстве и времени, ценности, занятия и социализация);
2. Институциональные парадигмы (церковь, школа, управление);
3. Изменения в пространстве, времени и аксиологии (конфликты, миграции, борьба элит).

\* \* \*

Внимание к homo balcanicus – балканскому человеку, его категоризация и критика, в полной мере проявилось в 1990-е гг. Глобальные политические изменения и события в Югославии оживили разговоры о т.н. «homo duplex», «человеке двуличном», продукте длительного взаимодействия местной среды и восточных влияний<sup>4</sup>. Размышления на эту тему литературоведов (П. Джаджич) и практикующих юнгианцев (В. Еротич)<sup>5</sup> отражали разочарование в культурной политике со-

---

<sup>1</sup> Было интервьюировано свыше пятидесяти человек. Речь идет о неформализованных беседах с акцентом на генеалогию, соблюдение традиций и описание локального пространства. Автор выражает свою признательность Д. Радойичич (директор Этнографического института САНУ) и Б. Сикимич (Балканологический институт САНУ) за поддержку и консультации во время его пребывания в Сербии.

циалистического периода и надежду хотя бы в какой-то степени снизить в обществе влияние негативных сторон «балканского характера», в частности, одного из балканских архетипов – сильной и неконтролируемой индивидуальной воли. Жива ещё в коллективной памяти притча о неумении лидеров-индивидуалистов выработать выгодный сообществу компромисс: в давние времена делегация австрийских сербов при венском дворе никак не могла согласовать между собой список желаемых привилегий, и тогда император отдал им пустой лист бумаги со своей подписью – пусть сами напишут свои требования. Нужно ли уточнять, что лист по сей день остаётся пустым?<sup>6</sup>

В той или иной степени морализаторство всегда сопровождает суждение об индивидууме. Доброй славой пользуются дела людей, старающихся о благе коллектива, и нередко из сонма безликих теней в устном описании идеального образа действий фигура индивидуума выделяется в случае его экстраординарного поведения. В большинстве интервью с людьми разного возраста и из различных социальных сред мы отмечаем реализм информантов. Раскрывая причинно-следственную связь в быту, хозяйстве и поведении людей, рассказчик может совершить ещё один шаг: наблюдатель или чуткий слушатель, он усматривает подобную связь в иррациональных происшествиях. «Причина» и «следствие» выступают столпами нарратива, открытого собеседнику, который делается по сути одним из «свидетелей»/интерпретаторов необычных ситуаций. Вынужденный по окончании Второй мировой войны покинуть родное село немец отдает соседям-сербам на хранение ценные вещи. По его возвращении ему отказываются их вернуть, и тогда он проклинает соседей и в православной, и в католической церкви в селе, что вызывает печальные для тех последствия<sup>7</sup>. Инициатива родственников отправить пожилую женщину в психиатрическую больницу без всяких на то оснований, но с целью завладеть её домом, приводит к тому, что жертва проклинает тех перед домовою иконой, и это проклятие неумолимо настигает всех причастных к афере<sup>8</sup>.

Вполне возможно, что перед нами «самоисполняющееся пророчество», но какой бы ни была природа видимых последствий, здесь производится поиск и обнаружение «причинно-следственных связей», и требования к «ясности» этих связей достаточно строгие. Их, очевидно, не выдерживают попытки интерпретировать т.н. «Креманско пророчанство», политическая манипуляция которым не прекращается уже больше века<sup>9</sup>. Кажется, именно реализм аудитории предопределил неуспех попыток связать «человека на белом коне с Востока», который согласно «пророчеству» спасет Сербию, то с королем Петром Карагеоргиевичем, то с маршалом Тито, то, как сейчас, с президентом России Путиным.

Реалистический подход выводит на первый план достоверность локальных деталей. Он не ограничен сельской средой, и с городским образом жизни у него складываются особые отношения, обязанные самому статусу балканских городов – своеобразных культурных перекрестков, на которых в течение столетий осуществлялся и осуществляется интенсивный обмен идеями и знаниями. Этот обмен имеет

индивидуальный характер, играя существенную роль в передаче небазовых ценностей, обеспечивающих индивидуальную отличительность, и часто ключевых для лидерства в той или иной области.

В 1984 г. Лидия Танасиевич, внучка известного архитектора чеха Карла Паржика и дочь королевского скрипичного мастера Карла Паржика, разрабатывавшего осцилляционную теорию, первая в мире женщина, профессионально изготавливавшая скрипки, полиглот, вышедшая замуж за специалиста в банковской сфере, каким-то образом узнала о том, что в банатском селе Ковачица, в пятидесяти километрах от Белграда, живёт молодой словак, скрипичный мастер-самоучка. Дама отправилась в Ковачицу и вначале никак не могла найти дом, в котором тот живёт, ведь никто в селе не держал его за скрипичного мастера. Объезжая большое село в течение часа, наконец, она заметила висевшие в одном из дворов скрипки. Так началась её дружба с Яном Немчеком (р. 1948), ныне известным всей Европе мастером. Бездетная Лидия считала его своим сыном и за оставшиеся десять лет своей жизни научила всем известным ей тонкостям скрипичного производства<sup>10</sup>.

Иванка Николич 1906 г.р., дочь известного в Банате протоиерея и учёного Д. Николича, оставшаяся старой девой, работала учительницей и жила в Панчево на Негошевой улице, 11 вместе с отцом до его смерти в 1972 г. Приехавший из села жить в город юный N впервые пришёл к Иванке со своей бабушкой, чтобы купить книгу её отца «Сербы в Банате». Иванка любезно приняла их и, извинившись за то, что в её распоряжении находится только один экземпляр, сняла с полок несколько изданий «Сербского общества любителей книги» и подарила их N. Только увидев молодого человека, женщина сказала, что он должен избрать духовную карьеру. Затем они виделись в церкви, и Иванка всякий раз приглашала N зайти к ней. В следующий раз бабушка испекла торт «куглоф», и N отнес его Иванке, получив от неё в дар подшивку журнала «Здоровье» начала века. В следующий раз она попросила N вернуть её, т.к. решила отдать этот журнал своему врачу. Взамен Иванка подарила N выпуски «Богословского вестника» начала века. На чердаке в шкафах и сундуках хранилось множество книг. Только летом Иванка выходила на улицу, а весь период от поздней осени до весны проводила в кровати, жалуясь на здоровье. Убирать к ней приходила женщина несколько раз в неделю. Когда зимой N приходил взять ещё книг, всегда в дар, ему нужно было позвонить в дверь и отступить, чтобы Иванка могла увидеть его из окна. Затем она бросала ему ключ, и N поднимался к ней. Уходя, он забирал ключ, а Иванка через окно спускала веревку с привязанным на конце гвоздем. N привязывал ключ к веревке, женщина поднимала ключ и закрывала окно, и N уходил. В случае, если бы N пошёл учиться на священника, она, с её слов, завещала бы ему свой дом. Десять лет, вплоть до смерти Иванки в 1987 г., N пользовался этим невозвратным абонементом<sup>11</sup>.

Данные сюжеты указывают на близость этнокультурной или конфессиональной принадлежности своих героев. В основе здесь лежит реализм: сделать самому музыкальный инструмент означает сэкономить на его покупке и открыва-

ет возможность заработать на свадьбах и праздниках; разнообразная литература может представлять поистине жизненный интерес для ищущего себя человека. Как бы то ни было в действительности, Ян открывает для себя мир большого искусства, а N после прочтения горы «ненужных» книг становится библиофилом и исследователем. Обе женщины транслируют им наследие своих отцов, чуждое стоящей на дворе эпохе, в которую довоенная «макулатура» нередко выбрасывается или сжигается. Чем не «магический реализм», получивший отражение в творчестве М. Павича?

Важнейшую роль в индивидуализации коллективного играет семья<sup>12</sup>. В основе её существования в сельской Сербии всегда лежал труд и распределение обязанностей, причём в сербской семье особую роль играл культ рода – Слава, или Крестная Слава<sup>13</sup>. Соблюдение ритуальной стороны праздника Славы (святая вода для «славского колача», свечи, в некоторых случаях присутствие священника) обеспечивало прямой контакт семьи с церковью. Главные церковные праздники – Рождество и Пасха, – до сих пор скрепляют семейное единство, в то время как другие праздники с течением временем утратили прежнюю экспрессию, если не значение. Некогда все они, как и долгие зимние вечера, включали семью в идеальный цикл сельского общества. Выдающийся учёный М. Пупин (1854–1935), сделавший карьеру в США, писал:

*«когда я вспоминаю своё детство в Идворе, мне кажется, что главный смысл духовной жизни на селе – это соблюдение и почитание старинных традиций»<sup>14</sup>.*

В настоящее время вследствие процессов урбанизации и снижения привлекательности жизни в селе, развернувшихся, по крайней мере, с середины 1960-х гг., присущие сербскому обществу бережное отношение к понятию «дом» и горячая любовь к очагу соседствуют с последовательной реализацией стратегий, описываемых в сербском языке выражением «трбухом за крухом» [желудком за хлебом], – поиском лучшей доли за пределами родного края или страны. Феномен балканского отходничества («печалбы») насчитывает столетия, но последнее время особенно мощно воздействует на социально-экономическую ситуацию в государстве. По данным Всемирного банка, около 800 000 чел. в Сербии получают денежную помощь родственников или друзей из-за границы<sup>15</sup>. По сообщению Народного банка Сербии, только подтвержденные денежные переводы сербской диаспоры в страну (в основном из Германии, Швейцарии, Франции и Австрии) за девять месяцев 2015 г. составили 2,12 млрд. евро<sup>16</sup>. В настоящее время временных/трудовых мигрантов из Сербии в мире насчитывается 313 411 чел., или 4,2% населения Сербии, и они довольно молодые (средний возраст 34,7 г.)<sup>17</sup>.

В селе механизация, отток молодой рабочей силы в города, выезд на работу за границу, а также снижение рождаемости, с одной стороны, способствовали обособлению семьи от сельского коллектива, хотя полностью не высвобождали её из-под его влияния, а с другой стороны, создали предпосылки для укрепления типа

отношений внутри самой семьи, характеризуемого большей ориентированностью не на интересы семьи в контексте сельского коллектива, а на поощрение успехов детей вне села. Количество детей в семье позволяло обеспечить им лучшие по сравнению с прошлым стандарты жизни. При этом боковое родство и институт кумовьев пестовали и пестуют по-прежнему.

Жизненная модель, привлекательная для молодёжи, производит впечатлительные унифицированной и общемировой: городское образование, ориентация на скорейшее трудоустройство также в городе, путешествия по миру, создание семьи и рождение детей, жизненный комфорт и пр.<sup>18</sup> Однако действительность, как следует ожидать, оказывается сложнее. Вооруженные конфликты на территории Югославии 1990-х гг., присутствие в стране беженцев (в 2011 г. 277 890 чел.<sup>19</sup>), атмосфера разочарования в начале 2000-х гг. и как следствие скачок выезда за границу сказались как на семейных стратегиях, так и на формировании модели поведения у молодых, и в интервью с ними, родившимися в начале–середине 1990-х гг., мы можем различить печать психологических переживаний<sup>20</sup>. Можно сказать, что семья в целом мобилизована перед опасностью фрустрации вследствие экономических причин.

Спасением выступает реализм. У семьи нет средств и знакомств устроить сына в городе? Не беда: вместе с отцом сын отдастся ведению сельского хозяйства и несмотря на то, что при возможности, не раздумывая, бросил бы всё и уехал, молодой человек всё же упорно и честно будет трудиться на благо семьи. Его пример, впрочем, редкий, в самом деле, оказывается важным для местного сообщества<sup>21</sup>. И всё же образование и привлекательные образы жизни вне родного края манят молодых очевидными перспективами. Оставшиеся в Сербии родственники М. Пупина (их прадед был двоюродным братом Михайлы) помнят решение полуторавековой давности отдать маленького Михайлу в школу как непопулярное, и в их семье подобного не произошло в силу экономических обстоятельств – земля требовала рабочих рук<sup>22</sup>. Времена изменились, и разумным представляется обеспечить ребенка хорошим стартом, и таковым фермерство не выглядит. Низкие закупочные цены, риски при поиске оптимальных для выращивания культур и неясная кредитная политика делают труд мелкого фермера в Банате нелегким: в отдельных случаях они едва сводят концы с концами, а в большинстве своём зарабатывают более чем скромно<sup>23</sup>. Положение их контрастирует с процветающим бизнесом частных агропромышленных компаний, в полной мере воспользовавшихся возможностями приватизации.

Диспропорции экономического развития пока не преодолены. В ноябре 2015 г. безработных в Сербии (при населении 7,1 млн. чел.) насчитывалось 717 324 чел.<sup>24</sup> В 2014 г. продолжилась тенденция снижения количества заключенных браков (36 429 по сравнению с 41 947 в 2002 г., с незначительным ростом по сравнению с 36 209 в 2013 г.) и разводов (7614 по сравнению с 9982 в 2002 г.), увеличился возраст вступления в первый брак (30,9 лет для мужчин и 27,9 лет для женщин по сравнению с соответственно 28,7 и 25,3 годами в 2002 г.)<sup>25</sup>. Неуверенность в зав-

трашнем дне и небольшие доходы сужают открытость семьи в отношениях с соседями и друзьями: ранее звали друг друга отведать жареного поросенка, не допуская мысли о том, что можно не дожидаться ответного приглашения, но теперь такой уверенности нет, и символический обмен замирает; под вопросом оказалось традиционное банатское гостеприимство, прежде заставлявшее хозяев браться за готовку при приеме даже случайного гостя<sup>26</sup>. Далёкий от оптимизма взгляд людей на экономическую ситуацию отражается на передаче ценностей и традиций, исключая то, чем, как кажется, легко пожертвовать.

Это наблюдение представляется важным, т.к. на основе семейного воспитания и первичной социализации молодёжь пытается формировать собственную шкалу ценностей. Восприятие Белградской агломерации – основного центра притяжения в Сербии, насчитывающей уже 1,68 млн. жителей<sup>27</sup>, студентами из других регионов, которые проводят там учебную неделю, различается, но среди разного отношения внимание привлекает стратегия самодостаточности, в которой позитивную оценку получает процесс приобретения профессии и самосовершенствования, и в негативных тонах отражается опыт жизни и коммуникации в столице<sup>28</sup>.

\* \* \*

Специальное внимание школьному образованию и органам власти не входило в планы нашего исследования, поэтому мы коснемся здесь только церкви – института, важного для понимания процессов, протекающих в сербском обществе. После взлета духовной жизни в Сербии в межвоенный период, обязанного разным причинам<sup>29</sup>, с окончанием военных действий в Югославии наступает краткий, но оставивший глубокий след период преследования церкви. Для собеседников это неприятные воспоминания, связанные с применением насилия, запретами и недопущением в церковь детей по праздникам<sup>30</sup>. С 1960-х гг. в Сербии разворачивается создание церковных хоров, участие в которых было открыто для всех желающих мирян. Мотивация участников была чрезвычайно высокой, и они, как и руководившие хоровым обществом священники, выступали на соответствующих мероприятиях (службы и праздники в церкви, похороны) безвозмездно<sup>31</sup>. В дальнейшем решающим было поведение священника: если им поощрялись денежные подношения со стороны паствы, энтузиазм участников хора угасал (они-то пели даром), и нередко общество прекращало свою деятельность<sup>32</sup>.

Сербский реализм в полной мере проявился в характере «верных»: нейтральное, хотя и настороженное отношение к коммунистической власти («кесарю кесарево») и бескорыстное попечение об интересах церковной общины, ведь награда ждала их на небесах. Простой народ жадно ловил проповеди авторитетных деятелей церкви<sup>33</sup>. Добрых пастырей было достаточно, но имелись и те, о которых в 1980 г. в письме к епископу браничевскому Хризостому (Воиновичу) (1911–1989) один его корреспондент, также епископ, выразился следующим образом:

*«современные зилоты», которые «сужают пространство Царства Божьего», «пугают мир Богом Любви», «сами же “тешат” себя гордостью до ослепления ума»<sup>34</sup>.*

Укажем здесь феномен, подмеченный профессором М. Матейичем, в то время преподававшим в Университете штата Огайо (Колумбус) и принимавшим академических гостей из Югославии: в отличие от хорватов и словенцев, всегда выяснявших, где поблизости расположена католическая церковь, редкий серб интересовался, нет ли здесь православного храма. При этом словенцы представлялись словенцами, хорваты хорватами, македонцы македонцами, и только сербы называли себя югославами<sup>35</sup>.

Всплеск увлечения религией, массовые крещения в начале 1990-х гг. привели в церковь множество людей. Вследствие вооруженных конфликтов в бывшей Югославии духовное образование в Сербии массово получали юноши с территорий, охваченных военными действиями (Босния, Косово и Метохия)<sup>36</sup>. С течением времени в церкви совершилась естественная смена поколений. Ушли из жизни старые энциклопедически образованные, знавшие несколько иностранных языков священники и иерархи. В ряде приходов растёт размер пожертвований за церковные услуги. При этом отмечается, что в 1970-е гг. книги епископа Николая (Велимировича) (причислен к лику святых в 2003 г.), изданные в ФРГ, тайно переправлялись в Сербию и мгновенно расходились по рукам, сейчас же все его труды изданы на родине, но кто их читает?<sup>37</sup>

Накануне войны, в своём вступительном слове к книге Р. Казимировича о загадочных явлениях в народной жизни епископ Николай (Велимирович) призывает людей «различать духов»<sup>38</sup>. Острый и бескомпромиссный характер борьбы за души верующих доказывает и случившееся однажды уничтожение некоторых книг XVIII-го в., не соответствующих, с точки зрения инициаторов, православной вере<sup>39</sup>. Неоднозначные тенденции прослеживаются в вопросах церковной организации: помимо паствы Сербской православной церкви в стране имеются приверженцы антикуменистической Сербской истинно-православной церкви (зилоты) и раскольнической Рашско-Призренской епархии в изгнании (епископ Артемий). Остаётся нерешенным вопрос вокруг церкви в Македонии: кроме непризнанной православными церквами местной церковной организации, действует Охридская архиепископия в качестве автономной церкви в составе СПЦ. В Черногории, наряду с непризнанной Черногорской православной церковью, осуществляет деятельность Черногорско-Приморская митрополия СПЦ. В Хорватии имеется неканоническая Хорватская православная церковь.

Тем не менее, значение церкви в Сербии едва ли можно переоценить. На фоне затяжного кризиса и релятивизации морально-нравственных ориентиров, к чему многие оказались не готовы, Сербская православная церковь предлагает мощную психологическую поддержку. Возникающие конфликты с паствой в отдельных

приходах только подчёркивают большую важность, которую население придает диалогу с церковью.

\* \* \*

В ходе интервью обнаруживались и получали развитие темы «коллективного» характера, отражающие сильные общественные потрясения. Начатый ещё в XIX столетии сложный и болезненный процесс перехода от патриархального общества к гражданскому, события мировых войн и революционные изменения общественного строя обострили рефлексию сербов в отношении своего места в истории. Периоды благополучия в новейшей истории, например, двадцатилетие накануне распада Югославии, снижали остроту этой рефлексии. Конфликты последних десятилетий возвращали людей к горьким раздумьям военных лет середины XX в., когда изображенный на сербском гербе акроним «СССС» могли толковать не как канонический девиз «Само слога Србина спасава» [Только единство спасает сербов], но как «Србин Србина секиром сече» [*Серб серба рубит топором*]<sup>40</sup>. Вместе с тем, нельзя отрицать высокую степень мобилизации перед лицом внешней угрозы: во время бомбардировок НАТО в 1999 г. чрезвычайную популярность снискало стихотворение Д. Максимович «Балканац», в котором был представлен единый культурный профиль «балканского варвара» безотносительно политических симпатий или региональной специфики.

В Воеводине народная реакция на перемены в течение XX в. содержала традиционный крестьянский скепсис с аллюзиями хозяйствования: «Нема Фрања, нема хране» [*Без Франца-Иосифа пищи не видать*] и «Дође Петар, на све однесе ветар» [*Петр придёт, ветер всё унесёт*] говорилось про уход австро-венгерской администрации и утверждение власти сербского короля Петра Карагеоргиевича после Первой мировой войны; «Дође Тито, на се све проскита» [*Тито придёт, всё промотает*]<sup>41</sup>.

Социалистическое прошлое, действительно, весьма актуальная и противоречивая тема для информантов: для одних оно представляется ужасным, для других это счастливое время больших возможностей. Любопытен обмен мнениями между двумя интеллектуалами: «из-за Тито я вынуждена была уехать из страны» и «благодаря Тито я получил государственную стипендию и учился за границей»<sup>42</sup>. Звучащее иногда подтрунивание над культом героев Народно-освободительной борьбы получает отповедь со стороны самых разных людей, которым факт подвига и страданий оказывается важнее идеологических установок<sup>43</sup>. Как бы то ни было, люди единодушны в том, что приход коммунистов к власти и утверждение нового строя стал переломным моментом.

Прежде всего, в глазах консервативного крестьянства новый режим проводился вождями, имеющими неоднозначную репутацию. Образ профессионального подпольщика имел слабую связь с реалиями сельской жизни и вызывал отторжение

людей старой формации: *«эти всемирные бандиты разорят Сербию»*<sup>44</sup>. Первые меры новой власти в области аграрной политики, казалось, подтверждали их худшие опасения.

Развернутое с окончанием войны наступление на прежний порядок жизни в Воеводине совпало с изгнанием местных немцев – «швабов». Как нередко случается, репрессии коснулись тех, кто, не чувствуя за собой вины, остался в своих домах, тогда как совершившие преступления в отношении гражданского населения во время оккупации предусмотрительно скрылись<sup>45</sup>. После войны в Воеводину было переселено 225 696 колонистов из Боснии и Герцеговины, Черногории и центральной Сербии<sup>46</sup>. Колонизация в Воеводине проводилась и после Первой мировой войны («солунци» – сербы-добровольцы, сражавшиеся на Салоникском фронте, родом из Лики, Боснии и других краев; «оптанты» – сербы из Венгрии и Румынии, выразившие желание переселиться в Королевство сербов, хорватов и словенцев), но не в таких объёмах. К тому же, в отличие от послевоенных колонистов, занимавших немецкие дома, межвоенные колонисты переселялись фактически на «голую землю», что всё же обуславливало разное отношение местного населения к одним и другим<sup>47</sup>.

Послевоенная колонизация Воеводины обнажила социально-культурные различия между представителями «бывшей австрийской» и «бывшей турецкой» Сербии. Эти ценностные системы сталкивались и ранее, но в условиях утверждения новой идеологии, носителей которой местные усматривали в переселенцах, подобный конфликт был крайне нежелателен. Понимая это, государство впоследствии уделит должное внимание проблеме адаптации<sup>48</sup>, а многие противоречия окажутся сглажены благодаря отходу от жестких методов управления. Тем не менее, рубеж 1940 и 1950-х гг. запомнился зажиточным банатчанам проявлением насилия со стороны *«колонистов безбожников, занявших руководящие посты в новых органах власти»*<sup>49</sup>. И долго ещё колонисты и «лалы» (локальное название банатских сербов) не будут заключать между собой браки и избегать друг друга среди кумовьев. Не забудем, однако, что для бедных слоев населения то же время стало началом пути к жизни в достойных условиях. Современная молодёжь свободна от предрассудков пятидесятилетней давности, и это, конечно, результат сбалансированной политики социалистического периода.

Важнейший вопрос об отношении к этому периоду разделяет сербские элиты, но с точки зрения народного реализма дело обстоит проще: *«всегда так было»*<sup>50</sup>. Как было всегда? Всегда были те, которые действовали из корысти, и те, которые творили добрые дела; всегда были те, которые жаждали власти светской или церковной; наконец, всегда способные люди умели реализовать себя, независимо от политической конъюнктуры<sup>51</sup>. При этом может звучать тема жалоб на исторические обстоятельства, особенно в среде послевоенной эмиграции, но кажется, что атмосфера разделения, поиск врага и попытки свести счёты всё менее популярны. Ещё в

1962 г. М. Матейич хорошо выразил это ощущение в своём стихотворении «Эмигранты»:

*«пусть же мы не вернемся с нашей ненавистью на родину, и пусть она истлеет вместе с нами на чужбине»<sup>52</sup>.*

Вместе с тем, с исчезновением традиционного образа жизни растёт чувство одиночества и незащищенности. По наблюдению женщины 1953 г.р. из сербского села Ловра в Венгрии, переданному М. Прелич двадцать лет назад, раньше приходилось много работать на себя, но каждый вечер на скамейке велись разговоры с соседями, сейчас же у всех телевизор: «*может быть, мы были беднее, но жили лучше*»<sup>53</sup>. Спустя двадцать лет наш информант, мужчина 1964 г.р., с волнением формулирует мысль о том, что жизненно необходимо, чтобы вознаграждение человеку полагалось по его трудам, а не по какому-либо иному критерию<sup>54</sup>.

\* \* \*

Полевая работа в Сербии в июне 2015 г. подтвердила насущную необходимость в получении эмпирических данных. Конечно, часть их уже зафиксирована в имеющихся научных работах и мемуарах, однако факт фиксации устных материалов ещё не говорит о том, что этим культурным багажом сейчас пользуются. В собранных материалах немало сведений о прошлых периодах, что неизбежно вследствие относительно меньшей готовности информантов обсуждать «в лоб» животрепещущие проблемы. Тем не менее, на наш взгляд, беседы о прошлом превосходно обнажили современные проблемы, несмотря на беспрецедентно высокий уровень недоверия информантов в настоящее время.

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

<sup>1</sup>. См., напр., Društvena transformacija i strategije društvenih grupa: svakodnevica Srbije na početku trećeg milenija / Prired. A. Milić. Beograd, 2004; Suživot sa reformama. Građani Srbije pred izazovima «tranzicijskog» nasleđa / Prired. S. Cvejić. Beograd, 2010. Важный анализ общественных изменений дает нам Т. Кулич, в частности: *Kuljić T. Prevladavanje prošlosti. Uzroci i pravci promene slike istorije krajem XX veka.* Beograd, 2002; *Kuljić T. Kultura sećanja:*

*Teorijska objašnjenja upotrebe prošlosti.* Beograd, 2006.

<sup>2</sup>. Наша повседневная жизнь. Антропологические исследования российских и сербских учёных / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Д. Радоичич. М., 2008.

<sup>3</sup>. Напр., *Мартынова М.Ю.* Боснийцы, бошняки, мусульмане: коллизии идентичностей // *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность* / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014. С. 9–62.

4. *Цашић П.* Homo balcanicus, homo heroicus. Књ. I–II. Београд, 1994 [1987].
5. *Јеротић В.* Можемо ли још да се бавимо «карактерологијом» Југословена? // *Дворниковић В.* Карактерологија Југословена. Београд, 1990. С. 1051–1060.
6. Полевые материалы автора (далее–ПМА).
7. ПМА.
8. Там же.
9. См. подробнее: *Игнатъев Р.Н.* Креманско пророчанство vs. manteio ton Delfon (к исследованию национальных особенностей прорицания) // *Славянский альманах.* М., 2006. С. 221–240.
10. ПМА.
11. Там же.
12. См. актуальное коллективное исследование: *Porodice u Srbiji danas u komparativnoj perspektivi / Prired. A. Milić i S. Tomanović.* Београд, 2009.
13. В отечественной историографии см.: *Бромлей Ю.В., Кауцуба М.С.* Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического исследования. М., 1982. Анализ межэтнических браков в бывшей Югославии см.: *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
14. *Пупин М.* Са пашњака до научењака. Нови Сад, 1997. С. 12.
15. *Srpska dijaspora među najdarežljivijim // RTS.* 16.08.2015 // <http://www.rts.rs>.
16. *Tanjug.* 05.12.2015 // <http://www.tanjug.rs>.
17. *Станковић В.* Србија у процесу спољних миграција [Електронски извор]. Београд, 2014. С. 16, 27.
18. ПМА.
19. *Лукић В.* Две деценије избеглиштва у Србији: попис становништва, домаћинства и становна 2011. у Републици Србији. Београд, 2015. С. 23.
20. ПМА.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Национална служба за запошљавање. Месечни статистички билтен. Бр. 159. Новембар 2015. С. 1 // (<http://www.nsz.gov.rs>).
25. Републички завод за статистику Републике Србије. Саопштење. Бр. 185. 15.07.2015. С. 2 ([webrzs.stat.gov.rs](http://webrzs.stat.gov.rs)).
26. ПМА.
27. Републички завод за статистику Републике Србије. Саопштење. Бр. 187. 15.07.2015. С. 8 ([webrzs.stat.gov.rs](http://webrzs.stat.gov.rs)).
28. ПМА.
29. См. подробнее *Игнатъев Р.Н.* «Последние времена» и традиционное общество в Сербии и России (1812–1912–2012) // Из истории Сербии и русско-сербских связей: 1812–1912–2012 / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2014.
30. ПМА.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. *Епископ Хризостом: живот и рад / Приред. Г. Жујовић.* Београд, 1990. С. 257.
35. *Матејић М.* Дозивања. Београд, 1996. С. 89.
36. ПМА.
37. Там же.
38. *Казимировић Р.* Тајанствене појаве у нашем народу. Креманско пророчанство. Београд, 1940. С. 12.
39. ПМА.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. См. подробнее: *Гаћеша Н.* Аграрна реформа и колонизација у Југославији 1945–1948. Нови Сад, 1984.
47. ПМА.
48. См., напр., коллективную монографию: *Бачко Добро Поље: Горштаци у равници / Уред. О. Благојевић.* Београд, 1979.
49. ПМА.
50. Там же.
51. Там же.
52. *Матејић М.* Песме. [München] 1964. С. 85.
53. *Прелић М.* Срби у селу Ловри у Мађарској током двадесетог века. Будимпешта, 1995. С. 124. Благодарю Л. Вечанского за указание на это сообщение.
54. ПМА.

*А.Н. Кожановский*

### ***Страна басков, осень 2015 года***

В сентябре–октябре 2015 г., в рамках коллективного проекта РГНФ, посвящённого исследованию общественно-культурных и ценностно-идеологических трансформаций последних десятилетий в странах зарубежной Европы, мне представилась возможность обосноваться на несколько недель в Стране басков, а точнее – на западе этого автономного региона Испании, в одном из муниципалитетов, входящих в состав комарки<sup>1</sup> Энкартасьонес провинции Бискайя.

Мне не раз случалось бывать в Испании, в т.ч. и в Стране басков, однако нынешняя поездка принесла новые, подчас неожиданные впечатления о тех сторонах жизни местного населения, которые у нас традиционно привлекают внимание этнологов. Меня особенно интересовало, имела ли место сколько-нибудь заметная эволюция их в последние десятилетия, т.е. после демонтажа авторитарного франкистского режима (с 1975 г.) и в ходе последовавшей затем интеграции в Объединённую Европу; и если да – то какого рода была эта эволюция. Кроме того, хотелось понять, как видят эту проблематику сами жители Испании, что называется «изнутри».

Источником для написания предлагаемой работы послужили мои полевые материалы (прежде всего сведения, почерпнутые от моих собеседников из числа местных жителей, а также собственные непосредственные наблюдения) плюс статьи из региональной и центральной испанской печати (главным образом из газет «Correo de Bilbao» и «El País»), отражающие круг проблем и интересов местного общества, занимавших его в течение нескольких недель сентября–октября 2015 г.

#### ***Язык общения***

Оказавшись в Стране басков, я прежде всего обратил внимание на соотношение в местной коммуникативной среде двух исторически распространённых здесь языков (баскского и испанского, обычно называемого кастильским) – конечно же, в пределах, доступных наблюдению со стороны в течение сравнительно короткого времени. Известно, что на протяжении почти 40 лет, в период франкистского авторитарного режима, баскским языком (эускерой) разрешалось пользоваться только в быту. Языком администрации, делопроизводства, школы, СМИ и т.д. был почти исключительно испанский. С приходом демократии и обретением Страной басков автономного статуса баскский язык был узаконен здесь как второй официальный (наряду с испанским), и в таком положении он пребывает уже более трёх с половиной десятилетий.

Так вот, перемещаясь по территории Бискайи, выезжая в соседние провинции Гипускоа и Алаву, а также в Наварру (где баскский признан официальным в ряде исторически баскоязычных районов), я почти не слышал баскской речи в общении между местными жителями, будь то на улицах, в магазинах, в кафе и ресторанах, в автобусах и пригородных поездах. Даже в средней школе (colegio), где преподавание ведётся на баскском языке, дети на переменах говорят между собой и даже с учителями по-испански; один из преподавателей объяснил это тем, что учащиеся здесь, как правило, из испаноязычных семей, и вне школы язык их общения – испанский.

В известной на весь мир Гернике во время очередного народного праздника, отмечаемого в первую субботу октября, когда центральную часть города буквально заполнили радостно возбужденные, одетые в красочные национальные костюмы местные жители и съехавшиеся отовсюду уроженцы здешних мест и просто гости; когда на протяжении нескольких часов по улицам ходила огромная толпа, время от времени останавливавшаяся на перекрестке или площади и принимавшая хором петь песни по-баскски, – даже тогда вокруг звучала преимущественно испанская речь, а многие поющие держали перед собой песенники с текстами на эускере (видимо, не вполне твёрдо зная слова).

Практически всюду, где мне случилось побывать в этот приезд, общение по-баскски в среде окружавших меня людей производило впечатление своего рода вкраплений в перекрывающую практически всё коммуникационное пространство испаноязычную ткань. Слух, настроенный на единообразный фон звучащей вокруг испанской речи, порой как бы спотыкался о реплики людей, говоривших между собой по-баскски, – как о булыжники, выступающие из земли на ровной дороге. Но таких ситуаций на этот раз (на протяжении нескольких недель) было считанное количество. К примеру, по-баскски говорили – между собой и по телефону – служащие учреждений системы баскоязычного образования и исследований традиционной баскской культуры. На баскском переговаривалась однажды группа студентов в автобусе, идущем из университетского городка – при том что во все остальные дни моих поездок по данному «студенческому» маршруту молодые люди вокруг общались сплошь по-испански – и т.д.

Любопытен ответ одного знакомого преподавателя уже упомянутой школы с обучением на эускере. На вопрос о перспективах баскского языка в регионе он предположил, что, возможно, лингвистическая ситуация здесь в какой-то момент уподобится ирландской, где, по его словам, все в той или иной степени знают гэльский (кельтский) язык, но пользуются почти исключительно английским.

При этом во всех сферах, относящихся к официальной или общественной жизни, всё сделано для того, чтобы два языка дублировали друг друга. Рекламные и административные объявления, вывески, названия учреждений и организаций, бегущая строка в вагонах пригородных поездов, дорожные указатели и информационные надписи всех видов, вплоть до табличек при экспонатах в музеях, и т.д., и

т.п. – непременно выполнены по-испански и по-баскски. Также на двух языках звучат на транспорте объявления об остановках, уходящих и прибывающих поездах и пр. Наконец, праздничная служба в день Святой Девы Пилар в одной из приходских церквей, где мне довелось побывать по приглашению моих новых знакомых, была построена таким образом, что испаноязычные её фрагменты перемежались баскоязычными (первые, правда, заметно преобладали). Что касается надписей в общественном пространстве, сделанных только на баскском языке, то они довольно редки, по большей части это всякого рода призывы и объявления политического характера. А вот расклеенные повсюду частные объявления житейского, практического свойства (уведомления о продаже чего-либо, о желании наняться на работу, о пропаже собаки и пр.) исполнены почти исключительно на испанском.

Надо отметить при этом, что та часть Страны басков, о которой до сих пор шла речь, включая крупнейший в регионе г. Бильбао, исторически весьма кастилизирована в языковом отношении, а какие-то её районы и вовсе никогда не входили в ареал эускеры. В более восточных частях региона, прежде всего в провинции Гипускоа, как мне неоднократно говорили и чему я сам был свидетелем в этой поездке, позиции баскского языка в среде тамошнего населения значительно более основательны – вплоть до того, что, как оказалось, местные газеты ряда населенных пунктов Гипускоа, рекомендованные мне как источники необходимой информации, выходят исключительно на баскском языке.

Что же касается бискайских районов к западу от Бильбао, включая тот посёлок, где я жил, то там на досках объявлений, на автобусных остановках и просто на столбах расклеено множество объявлений, приглашающих на курсы баскского языка, разной степени сложности и интенсивности; обучение это, насколько можно понять, бесплатное, за счёт администрации, и ею же организовано. При этом мой посёлок (как и другие вокруг него) вполне испаноязычный, и, как я несколько раз слышал от местных жителей, в доисторические времена здесь жили не васконы (предки басков), а аутригоны (другой древний народ, возможно – кельты).

Означают ли такого рода отсылки к событиям отдаленной эпохи попытку объяснить сравнительно низкий уровень «бытовой эускаризации» данной местности, или – с учетом огромного значения «исторического права» в испанской традиции – это своего рода косвенное напоминание о том, что здесь у сторонников форсированного внедрения баскского языка такого права нет, – но, судя по многим признакам, лингвистическая проблема в регионе продолжает оставаться весьма актуальной.

Во всяком случае, в крупнейшей испаноязычной газете провинции, в одной из полемических статей, автор которой обвинял своих земляков в конформизме по отношению к тем, кто навязывает им свою волю, упоминалось то обстоятельство, что многие местные родители, не владеющие баскским языком, выбирают для своих испаноязычных детей обучение в школе на баскском языке по программе самого глубокого «погружения», т.е. с преподаванием всех предметов на эускере – из же-

лания, как считает автор, потрафить власть имущим даже вопреки здравому смыслу и собственным интересам (ведь имеются и более «щадящие», т.е. менее интенсивные, учебные программы освоения баскского языка).

С другой стороны, нередки случаи, когда дети мигрантов из испаноязычных провинций, приехавшие вместе с родителями в Страну басков в раннем возрасте или родившиеся уже здесь (таких было особенно много в 1960–70-х гг.), настолько проникались ощущением единства со своей новой «малой родиной», желанием отстаивать её интересы и усвоить её своеобразие, что изменяли свои имена на баскские, овладевали – с разной степенью успеха – баскским языком и отдавали своих детей в школы с преподаванием на эускере, потому что это полностью соответствовало их убеждениям и пристрастиям.

Наконец, мне пришлось разговаривать с людьми, прожившими всю или большую часть жизни в Стране басков, создавшими здесь вполне благополучные семьи с супругами из среды местных уроженцев, но не пожелавшими обучаться эускере по принципиальным или прагматическим соображениям (*«не желаю тратить годы своей жизни на то, без чего можно обойтись!»*).

Примечательно, что при столь широком разбросе представленных в обществе позиций по вопросу о языке большинство моих собеседников, не сговариваясь, заверяли меня в одном: различия в лингвистической сфере, как и в политической ориентации, не влияют и не должны влиять на межличностные и тем более на внутрисемейные отношения. Кстати, подобная установка, насколько я могу судить по своему опыту, характерна и для других областей Испании.

### **Самосознание**

С темой языка в Стране басков связана – хотя не совсем однозначно – тема самосознания и самоопределения тамошнего населения. В этом также сразу обозначились широкий разброс и многофакторность существующих вариантов, к тому же обе темы обнаружили высокую степень политизированности.

Так, в словах сразу нескольких моих собеседников можно было уловить отчуждённо-скептическое отношение к Испании, её политике, лидерам, символам, памятным датам и, соответственно, к общеиспанскому единству и к тому, включает ли оно басков. Например, упоминание мною в одном из разговоров т.н. «экономических соглашений» (*conciertos económicos*), т.е. действующего ныне особого режима налогообложения для Страны басков и Наварры, традиционно считающегося льготным для этих регионов и являющегося предметом зависти со стороны других регионов Испании, – встретило раздраженное возражение в том смысле, что речь идёт не о каких-то преимуществах, а лишь об условиях, навязанных в XIX в. победителями, т.е. мадридским правительством, – тем провинциям, которые потерпели тогда поражение в очередной гражданской войне. Те из моих респондентов, кто был настроен примерно таким же образом (резко критически по отношению к общеиспанскому Центру), сообщали, что по своему самосознанию

они баски и только (т.е. ни в какой степени не испанцы), и именно так они представляются окружающим не только в Испании, но и за границей. Если же их заграничный собеседник не знает, кто такие баски (а это время от времени случается), ему специально объясняют.

Народ, к которому они, по их мнению, принадлежат, т.е. «баски», это люди одного с ними языка (конечно же, баскского), а ещё шире – те, для кого поддержание и сохранение эускеры неотделимо от их жизни. Этой же общностью они (те, кому я специально задавал этот вопрос) определяют для себя содержание понятия «родина» (*patria*): «Для меня родина – это люди, желающие быть басками, независимо от их происхождения», т.е. также и иммигранты, исповедующие «правильную» идеологию (в испанской традиции заложена возможность понятийно-терминологического неразличения человеческого сообщества и территории, на которой оно проживает). Если же кто-то не считает нужным отстаивать свою самобытность, исходно обладая ею, т.е. будучи баском по происхождению, – то, как объясняют мои радикально мыслящие собеседники, в таких случаях речь идёт о людях, снedaемых комплексом неполноценности, ненавидящих себя, стремящихся ассимилироваться («испанизироваться»), чтобы перестать быть самими собой.

Мои респонденты данной (однозначно баскской) самоидентификации в подтверждение высказанных ими суждений нередко ссылались на собственный жизненный опыт и эпизоды из своей биографии. Среди них были и коренные жители Страны басков, и потомки иммигрантов из испаноязычных областей. Все они с рождения были испаноязычны, а баскский язык освоили, приняв сознательное решение. На баскском, по их словам, они говорят только в той среде, где все владеют этим языком, но даже в их собственных семьях это не всегда возможно.

Иной, не менее типичный, но при этом уже «сложно-составной» вариант самосознания представлен, например, респонденткой, появившейся на свет в г. Бильбао от родителей-мигрантов из кастильской сельской глубинки. Она совершенно укоренена в Стране басков, признаётся в любви к баскскому языку и культуре – но решительно отказывается солидаризироваться с «упертыми националистами», которые «жёстко делят всё и всех на своё и чужое, своих и чужих». Эта моя собеседница отождествляет себя прежде всего по месту рождения – г. Бильбао и его окрестностям. Следующий, уже менее важный уровень самоопределения для неё – Страна басков, далее идут Испания и Объединенная Европа, при этом «европейское» самосознание, – как она признается, – исходит не столько от ощущений, сколько «от головы».

Ещё один мой респондент, местный уроженец и обладатель характерной баскской фамилии, также не разделяющий взгляды баскских националистов, сообщил мне, что чувствует себя в равной мере испанцем и баском. А вот его земляк, родившийся в Кантабрии (соседняя испаноязычная провинция) и привезённый в Страну басков в раннем возрасте, ощущает себя одновременно кантабрийцем и

баском – и при этом испанцем. Во время местных фольклорных праздников он облачается в традиционный кантабрийский – а не баскский – народный костюм...

Очевидно, что приведённый здесь ряд вариантов «национально-регионального» самосознания в реальности гораздо шире и что на выбор местными жителями того или иного из них влияет множество факторов и обстоятельств как объективного, так и субъективного толка.

### ***Региональные символы и уличная «наглядная агитация»***

Политические листовки и плакаты на улицах городов и селений Страны басков – неотъемлемая часть местного антуража. Многие из них – это лозунги, часто только на баскском языке, и насколько можно понять, их политико-идеологическая направленность всегда примерно одного характера: требования независимости, призывы к борьбе, к поддержке басков-заключенных в испанских и французских тюрьмах, приглашения на концерты в память о павших борцах за национальную независимость и т.д.

Если говорить о наблюдаемой в этом же пространстве политической символике, то здесь чаще всего можно видеть вывешенное на фасадах административных зданий, над помещениями различных организаций и предприятий, а иногда и просто на балконах жилых домов «национальное» знамя Страны басков (оно же – флаг одноименного автономного сообщества). При этом едва ли не на всех виденных мною в разных местах изображениях карты Страны басков (будь то рекламного или политического содержания) она подается в самом расширительном понимании: как единая территория, включающая испанскую Страну басков, французскую Страну басков и Наварру. Вспоминается в этой связи огромный плакат на английском языке, вывешенный на балконе одного из домов приморского курортного городка Сараус в Гипускоа: *«Добро пожаловать, и помни, турист, что здесь не Испания и не Франция: ты находишься в Стране басков!»*

Гораздо менее заметны флаги местных городских общин; несколько раз (на агитплакатах и рисунках) попадалось изображение республиканского флага; и очень редко встречается государственный флаг Испании – я видел его только на фасадах зданий муниципальных советов (аюнтаменто), где его положено по регламенту вывешивать рядом с региональным и местным знаменами. Сходная ситуация – со стягом Евросоюза.

Но первое место в этом негласном соревновании наглядных средств выражения эмоциональных пристрастий населения, и с огромным отрывом от остальных, бесспорно занимает цветовая символика бискайского футбольного клуба «Атлетик», сильнейшего в Стране басков и одного из сильнейших в Испании. В самой Бискайе красно-белые полосатые флаги или просто растянутые полотнища разного размера можно видеть буквально повсюду: на решетках окон и балконов, на стенах домов, на заборах и на специально воздвигнутых декоративных сооружениях, на витринах магазинов и в интерьерах кафе и ресторанов. Множество детей и подростков, как мальчи-

ков, так и девочек, щеголяют в красно-белых полосатых футболках, свитерах и т.д. От всех этих и многих других, им подобных, зримых проявлений народной любви к своим героям-спортсменам остаётся ощущение своего рода светской религии.

### ***Солидарность с Каталонией***

27 сентября в одном из автономных регионов – Каталонии прошли очередные выборы в местный парламент. Годом ранее каталонское региональное правительство, возглавляемое Артуро Масом, открыто взявшим курс на независимость Каталонии, объявило о намерении организовать референдум об отделении от Испании. Центральные мадридские власти тогда предупредили, что намеченное мероприятие незаконно, и призвали каталонскую администрацию отказаться от его проведения, а жителей Каталонии – от участия в нём. В ответ на это правительство региона сообщило, что вместо референдума проведёт опрос на ту же тему (а на это санкции Мадрида не требуется). В опросе приняло участие около трети избирателей региона, 80% из них высказались за независимость. Сторонники отделения объявили это своей победой, и следующим шагом в том же направлении, по их мнению, должны были стать как раз региональные выборы осенью 2015 г. В них приняло участие уже три четверти избирателей области, из которых 47,7% проголосовали за партии, провозгласившие своей целью независимость региона, 51,7% – за их противников. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что депутаты-сепаратисты, представляющие абсолютное меньшинство проголосовавших (хотя и приближающееся к половине), составляют (по обстоятельствам процедурного порядка) большинство в региональном каталонском парламенте.

И вот в Бильбао, на следующий день после региональных выборов в Каталонии, на фасаде дома, выходящем на одну из главных площадей города, можно было видеть вывешенный с балкона огромный флаг независимой Каталонии<sup>2</sup> рядом с огромным флагом Страны басков и надписью по-баскски: «Независимость!» Каталонские «независимские» флаги появились и в других точках города.

Не могу не упомянуть о том, что несколько дней спустя в Гернике, во время массового праздничного хождения по улицам с хоровым пением баскских песен, в какой-то момент радостно возбужденная толпа вдруг пропела с большим энтузиазмом и по-баскски знаменитую каталонскую «Эстаку», давно ставшую символом борьбы за утверждение национальной самобытности Каталонии.

### ***«Национальный праздник Испании» (он же «День испанского мира»<sup>3</sup>)***

Двенадцатого октября в Испании ежегодно отмечается главный по ранжиру светский государственный праздник, который официально именно так и называется: Национальный праздник Испании. Форма его проведения и отношение к нему в современной Испании, на мой взгляд, многое говорит об умонастроениях современного испанского общества.

Напомним, что 12 октября – день открытия Америки испанским мореплавателем Колумбом, и в 1918 г., когда впервые состоялось его празднование на государственном уровне, этот день назвали Праздником испанской расы. В последующие годы название было заменено на День (праздник) испанского мира (*Día de la Hispanidad*). Он отмечался и при Франко, и в демократической Испании, и хотя нынешнее название не выводит его значение за границы страны, прежний смысл (напоминание об историко-культурной общности всех испаноязычных народов) не только присутствует в общественном сознании жителей Испании, но и, как оказалось, активно его будоражит.

Хотя 12 октября – общеиспанский выходной, праздничные мероприятия проходят только в столице. Они состоят из военного парада (который принимает король во главе своего семейства, двора, высших должностных лиц государства и глав автономных регионов) и предшествующей параду довольно сложной и длительной церемонии воздания почестей государственному флагу и памяти тех, кто погиб за Испанию; за парадом следует званый прием в королевском дворце. Никаких народных манифестаций и праздничных шествий в этот день не предполагается.

Любопытно, что в день Национального праздника в целом ряде других испанских городов проходят-таки военные парады – не имеющие, однако, прямого отношения к нему. Дело в том, что 12 октября – День Богоматери Пилар, которая считается также святой покровительницей т.н. гражданской гвардии (военизированной жандармерии), и её подразделения отмечают свой «корпоративный праздник» торжественным маршем.

Этой осенью королевские приглашения посетить торжественную церемонию отклонили главы трёх (из 17) автономных регионов: Каталонии, Страны басков и Наварры, плюс лидер знаменитого политического движения «Подemos» («Мы можем!»), стремительно ворвавшегося на политическую арену страны и, как считают многие, сломавшего устоявшуюся за три десятилетия двухпартийную систему. Последний заявил, что его присутствие значительно нужнее там, где идёт борьба в защиту прав и социальной справедливости, нежели на такого рода официозных мероприятиях. А президент баскской автономии пообещал, что его регион будет праздновать 12 октября... но только тогда, когда Страну басков признают особой нацией.

Известно, что молодой король Филипп VI, недавно вступивший на престол, и его супруга пытаются в духе времени демократизировать чрезмерно официозный регламент праздничных мероприятий, приблизить праздник к народу. Так, в этом году помимо обычных «гостей по должности и рангу» они пригласили на торжественный прием представителей других слоев общества: спортсменов, учёных, профсоюзных деятелей, артистов, священников и пр. Для широкой публики в этот день бесплатно открыли свои двери государственные музеи, а также обычно недоступные королевские дворцы, прошли концерты военных оркестров на открытом воздухе, а вечером был дан салют.

Тем не менее не было недостатка в скептических, а то и резко негативных высказываниях о Национальном празднике, о тех событиях испанской истории, которые принято с ним ассоциировать, и, конечно, о действующей в стране власти. Так, один известный актёр, продюсер и «политический активист» привлек всеобщее внимание, сообщив в фейсбуке многим тысячам своих почитателей, что он *«с..ть хотел»* на 12 октября, на Национальный праздник, на монархию и монархов, на «открытие» [Америки], на *«алчных убийц-конкистадоров»* и на само *«геноцидное»* завоевание Америки, а заодно и на Деву Пилар и т.д. Ему *«нечего праздновать»*, и потому он намерен оставаться в постели (выходной день!), и никакая военная музыка (под которую проходит парад) не заставит его подняться... Единомышленники выразили полную солидарность с автором поста и уверенность, что звучащие во время парада возгласы *«Да здравствует Испания!»*, а также развевающиеся государственные стяги используются только для того, чтобы скрыть за ними нищету, бюджетные сокращения и коррупционные скандалы.

Получили широкую известность и активно обсуждаются в печати слова алькальдессы (женщины-мэра) Барселоны Ады Колау:

*«Стыдно должно быть тому государству, которое празднует геноцид да ещё и с военным парадом стоимостью в 800 тыс. евро!»*

В том же духе высказался алькальд другого испанского города – Кадиса:

*«Да не открывали мы никогда Америку, а вот что мы сделали, так это учинили резню на этом континенте и подчинили его и его культуры именем Бога. Нечего праздновать».*

Но не молчали и оппоненты этих критиков. Вот одно из характерных высказываний:

*«Глумиться над жертвами террористов, над теми военными, кто пал под знаменем своей страны, кто преодолел болезнь благодаря своей вере, глумиться над готскими (т.е. древними испанскими. – А.К.) королями и королями нынешними – значит оскорблять миллионы людей, которые чувствуют гордость за то, что они те, кто они есть... те, кто любит свою страну...».*

Официальную позицию выразил глава испанского правительства М. Рахой, который в своём праздничном выступлении сделал упор на огромном положительном значении исторически возникшей культурной общности испаноязычных стран:

*«Как испанец (español), я горд ощущением, что я представитель испанского мира (un hispano) в Европе...».*

Ему оппонировали активисты из числа иммигрантов-латиноамериканцев, которые вышли в тот же день на улицы Барселоны в своих традиционных нарядах, с флагами своих стран, «окупировали» несколько памятников, связанных с открытием и освоением испанцами их родного континента, и потребовали демонтажа памятников. Организаторы акции протестовали против привычного, как они считают, для Испа-

нии образа героического и позитивного покорения Америки, тогда как на самом деле оно означало наступление эпохи колониализма, до сих пор не завершившейся. «*Геноцид продолжается, и наша борьба – тоже*», гласил один из плакатов.

Напротив, две других демонстрации в Барселоне в тот же день прошли – в отличие от прочих городов Испании – как раз в ознаменование Дня испанского мира, в поддержку целостности испанского государства и против отделения от него Каталонии. Несколько тысяч человек собрались в центре города под испанскими и каталонскими флагами и плакатами «*Барселона – столица испанского мира!*», «*Я – испанец!*», «*Да здравствуют Каталония и Испания!*», «*Артуро Маса – в отставку!*». Сравнительно небольшая группа правого толка прошествовала под более радикальными лозунгами: «*Нас не обманут: Каталония – это Испания!*», «*Артуро Маса – в газовую камеру!*» и «*Сепаратисты – это террористы!*».

Суждения на тему Национального праздника, которые мне довелось услышать в тот день в нескольких частных беседах, вполне укладываются в описанную картину идеологической разногласности в испанском обществе: одни мои собеседники говорили о прошедшем военном параде с явным одобрением, другие отзывались о нем с нескрываемой неприязнью, а о некоторых маршировавших подразделениях – вообще как о «фашистах».

### **Религия**

Пожалуй, наиболее сильное впечатление на меня в этой поездке произвела степень обмирщения испанского общества, утрата религией и церковью прежних доминирующих позиций в повседневной жизни, мировоззрении и ценностных ориентациях населения. Ведь в представлениях подавляющего большинства моих соотечественников образ Испании и её история неотделимы от католической традиции. Между тем в ходе общения с местными жителями на вопрос о том, какие изменения в жизни общества за последние десятилетия им кажутся наиболее важными, сразу несколько человек, относящихся к разным возрастным и социально-политическим категориям, назвали именно падение роли и значения религии до такой степени, что «*Испания перестала быть религиозной страной*».

Действительно, с каждым годом всё большее число испанцев отказываются от церковного венчания, не крестят новорожденных, не зовут священников соборовать умирающих и отпевать усопших. Напомним, кстати, что именно Испания стала одной из первых стран Европы, узаконивших в 2005 г. гомосексуальные браки, против которых и в настоящий момент не возражают более трёх четвертей граждан страны.

Мои личные впечатления, при всей их обусловленной обстоятельствами отрывочности и разрозненности, никак не противоречат приведенным выше радикальным оценкам. Практически все мои собеседники (точнее, те из них, кто согласился говорить на данную деликатную тему) были крещены в детстве, но своих собственных детей – по крайней мере некоторые из них, а также их родственники и

знакомые – уже крестить не стали. Из двух замужних дочерей моего пожилого респондента (носителя консервативных взглядов, по его собственному признанию) лишь одна венчалась в церкви. Несколько опрошенных прямо объявили себя атеистами, от других я услышал, что духовные поиски, размышления и переживания занимают важное место в их жизни, но никак не связаны с официальной католической церковью. При этом почти все они рассказали о том, что их родители, а тем более поколение дедов и бабок, были (и остаются, если живы) глубоко верующими. То есть глубокий водораздел проходит здесь между поколениями.

Впрочем, есть и исключения: уже покойный отец одного моего неверующего собеседника был убежденным атеистом (в отличие от своей жены), за что имел неприятности при Франко, когда католицизм в стране был государственной конфессией. Несколько раз мне пришлось услышать, что отчуждение от религии в Стране басков связано во многом именно с соглашательской по отношению к властям ролью церкви во времена диктатуры, подавлявшей местную самобытность и свободу. Но дело-то в том, что процесс массивной секуляризации охватил всю страну, а не только её «национальные окраины».

Насколько я могу судить, отход от религиозной жизни – по крайней мере, в её традиционных формах – в целом не имеет характера пламенного «богоборчества». Хотя некоторые «медийные», т.е. широко известные персоны позволяют себе публично богохульствовать, не опасаясь ни наказания, ни общественного осуждения и потери популярности. Большинство их соотечественников демонстрируют, скорее, своего рода прогрессирующее отстранение от религиозности, постепенное отчуждение. Люди больше не совершают обряды, которые веками воспринимались как кульминационные и обязательные вехи на жизненном пути всякого человека. Они перестают посещать церковь вовсе или делают это крайне редко, по каким-то экстраординарным поводам. Динамика деторождения говорит о том, что церковные запреты на искусственное предотвращение или прерывание беременности не актуальны для подавляющего большинства граждан.

То же можно сказать и о тех аспектах семейной жизни, к которым церковь традиционно была равнодушна: нарастание количества разводов и масштабы безбрачного сожительства недвусмысленно говорят о том, что современные испанцы не склонны считаться с церковной точкой зрения на этот счёт. Налицо скорее равнодушие. Так, мои знакомые родители школьников, которых они в своё время не захотели крестить, не возражают против того, чтобы те участвовали вместе с крещёными одноклассниками в церемонии конфирмации (*«пусть, если им хочется»*). В одном из разговоров довелось услышать мнение (высказанное без сожаления, лишь в качестве констатации) об утрате понятия «грех», столь значимого ещё сравнительно недавно, и о том, что люди вокруг стали гораздо более терпимы к тому, что ранее считалось греховным или вовсе невозможным.

Одно из зримых свидетельств такого положения дел – огромное здание духовной семинарии, построенное при Франко в окрестностях Бильбао и рассчитан-

ное на то, чтобы ежегодно готовить 500 новых священнослужителей. Теперь оно целиком занято разного рода светскими учреждениями и организациями, а количество молодых людей, пополнивших когорту священников в текущем году, составило в Стране басков лишь шесть человек.

Сам я в этот раз не однажды заходил в католические храмы в разных населенных пунктах Страны басков, в т.ч. во время воскресных служб и в дни местных праздников, и практически всегда немногочисленные прихожане были представлены главным образом пожилыми женщинами. Исключением стала праздничная месса в День Богородицы Пилар (совпадающий с Национальным праздником Испании – 12 октября), на которую пришло несколько десятков человек разных возрастов, некоторые с детьми, так что храм был практически полон. Но дело в том, что это была единственная церковь во всей округе, где в тот день совершалась служба, соответственно и те, кто пожелал принять в ней участие, собрались со всей округи; к тому же данная церковь невелика по размеру, и постоянное богослужение в ней давно не ведётся.

Вместе с тем один из респондентов заявил мне, что как бы ни строили сегодня жители Страны басков свои отношения с религией и церковью, местное общество глубоко пропитано многовековой религиозной традицией, и именно это обстоятельство является основной проблемой для адаптации здесь иммигрантов-мусульман с Ближнего Востока.

### ***Мусульманские и другие иммигранты***

Многочисленная мусульманская трудовая иммиграция в Испанию обозначилась ещё с 1980-х гг. Преимущественно это выходцы из Северной Африки, по большей части из Марокко. Женщины в характерно повязанных платках время от времени попадают на улицах больших и малых баскских городов, как и мужчины арабского происхождения, которых нередко можно встретить в качестве уборщиков улиц, сельхозработчиков, подсобных работников в торговле.

Надо сказать, что не однажды приходилось слышать от собеседников подтверждение того факта, что трудовые иммигранты выполняют работы, от которых отказываются местные жители в силу низкой оплаты и непрестижности этих видов деятельности. Разница в запросах между собственными гражданами и приезжими порождает порой довольно необычные и даже курьезные ситуации, но может оказаться и весьма значимой в социальном плане. Так, с одной стороны, в Испанию на сезонный сбор урожая, как мне рассказали, нанимаются приезжие из Северной и Чёрной Африки, а также Восточной Европы, тогда как жители самой Испании с той же целью едут во Францию, где им больше платят; в свою очередь, французы по тем же соображениям едут собирать урожай в Швейцарию.

На улицах Бильбао можно увидеть сенегальских негров, продающих вразнос сумки, бижутерию и прочий товар подобного рода. Местные власти платят им совершенно ничтожное по здешним меркам социальное пособие, на которое в далёкой Африке живут огромные семьи этих бедняков.

С другой стороны, одна из моих респонденток прямо указала (ссылаясь на собственный опыт и многие известные ей примеры), что только массовая трудовая иммиграция из-за рубежа позволила очень многим испанским женщинам работать и учиться, т.к. появилась возможность переложить ведение хозяйства, заботу о маленьких детях, больных и престарелых родственниках на приезжих иностранок, согласных на сравнительно небольшую зарплату. Мне самому не однажды приходилось видеть самодельные объявления с предложением услуг по типу: *«Молодая румынка, опытная и добросовестная, готова пойти в домработницы и няньки к пожилым людям»*.

В этой сфере, правда, камнем преткновения может стать владение испанским языком, и моя собеседница именно по этой причине выбрала в своё время для ухода и присмотра за своими детьми испаноязычную уроженку Колумбии. Насколько я мог видеть, во многих случаях няньки, вывозящие на прогулку в городские скверы коляски с немощными стариками и инвалидами, были именно латиноамериканками. Мусульманки и восточные азиатки в этой роли встречались гораздо реже.

Вопрос об отношениях с пестрой многомиллионной армией приезжих в сегодняшней Испании остаётся крайне непростым. По мнению нескольких экспертов из числа коллег-этнологов, лучше всего адаптируются в испанском обществе латиноамериканцы (в силу языковой, религиозной и культурной близости) и выходцы из Восточной Европы (прежде всего румыны, которых здесь, в т.ч. и в Стране басков, очень много). Иное дело арабы, а также негры из стран южнее Сахары: они в массе своей сохраняют привычный уклад жизни, тесные связи между собой, да и селиться стараются поблизости друг от друга. Такие иностранцы, даже прожив на территории Испании немало лет, представляют собой фактически неадаптируемые и неассимилируемые группы.

Все опрошенные на предмет отношения испанцев к иммигрантам отмечали, что открытых проявлений расизма и ксенофобии здесь очень мало. Однако общество в массе «не слишком благосклонно» к бракам с представителями других рас и религий, и такие союзы – практически всегда «моральное испытание» для родителей молодых людей из числа коренного населения. Более того, та же проблема существует и в отношениях с одной из групп собственно испанских граждан – с цыганами. Вместе с тем, как мне объясняли, посмеиваясь, самые разные респонденты, в вопросе о дружбе или возможности породнения через брак с кем-либо «очень многие руководствуются главным образом финансовыми возможностями кандидата», и если эти возможности выглядят привлекательно, происхождение имярека и цвет его кожи отступают далеко на задний план.

При мне в местной газете появилась новость о том, что задержан наконец похититель велосипедов, на которых многие здесь ездят и оставляют на улице. Свою добычу – несколько десятков двухколесных машин – парень прятал у себя на квартире. Вором оказался молодой иммигрант-марокканец, а комментаторы говорили, что подобных преступлений здесь прежде не было, и обязательно добавляли, что

приезжие из Северной Африки в подавляющем большинстве – честные и добросовестные труженики. Вообще проявление сочувствия и солидарности с иностранцами, особенно из «третьего мира», пытающимися найти для себя и своих близких лучшую долю на испанской земле, считается здесь признаком хорошего тона. Мне пришлось видеть в Бильбао митинг против дискриминации негритянок, требования которых активно и шумно поддерживала местная молодёжь.

«Сирийская волна» иммиграции последнего времени с Ближнего Востока ни у кого из моих собеседников не вызвала особых эмоций – возможно, потому, что за три последних десятилетия на территории Испании осели несколько миллионов иностранцев, среди которых – сотни тысяч мусульман. Правда, эта тема активно обсуждается в газетах Страны басков, и мнения высказываются самые разные – вплоть до довольно резких: одни участники дискуссии считают необходимым сделать всё возможное, чтобы обустроить как можно больше беженцев, тогда как другие, напротив, не приемлют «заполонения» Европы чуждым ей элементом и пугают бесконтрольным проникновением множества скрытых террористов. В середине октября представитель правительства Страны басков заявил, что регион примет до конца текущего года 200 иностранцев, бегущих от войны на Ближнем Востоке, а всего за два ближайших года здесь готовы разместить до тысячи беженцев (из тех 17 тыс., которые, по предварительному соглашению между странами Евросоюза, приходятся на долю Испании).

Не могу не упомянуть ещё одну, очень специфичную категорию «исходных иммигрантов», вливающих в испанское общество: иностранных детей, которых усыновляют местные жители. Таких здесь довольно много, в т.ч. и из нашей страны. Сам я их не встречал, но не раз слышал и читал о них в местных газетах. Так, одна из моих респонденток сообщила, что у неё есть «русский племянник» (её родная сестра взяла в семью мальчика из России). Приёмной дочерью в семье уже не очень молодых баскских фермеров, производящих экологически чистый сыр, стала девочка из Китая. Видимо, как и всюду, не всегда отношения складываются благополучно: во время моей поездки одним из наиболее резонансных преступлений, совершенных в Стране басков, стало убийство девочки-китайки, в котором обвинили её приёмных родителей.

### ***Политкорректность***

Здесь будет уместно коснуться темы т.н. «политкорректности», т.е. прямого или косвенного запрета на использование терминов, действий и пр., которые, как предполагают запрещающие, могут оскорбить представителей тех или иных социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т.п. В Испанию, в т.ч. в Страну басков, общественные умонастроения, связанные с этим понятием, проникли сравнительно недавно, но быстро упрочились и стремительно набирают силу, что не удивительно, поскольку они полностью поддерживаются администрацией всех уровней, подавляющим боль-

шинством СМИ, теми весьма влиятельными слоями испанского общества (включая либеральное «образованное сословие»), которые ориентированы на образцы более «передовых», «референтных» стран западного мира (прежде всего – США).

Характерным примером успехов политкорректности могут служить те радикальные изменения, которые произошли в недавние годы в традиционной праздничной культуре и даже в религиозной символике – в отношении присутствовавшего там в неизменном виде с эпохи Средневековья «мусульманского элемента». Из театрализованных фольклорных представлений, столетиями разыгрывавшихся в сотнях испанских городов и селений в память о Реконквисте, были сознательно устранены все атрибуты, эпизоды, персонажи, которые – с точки зрения носителей «передовой идеологии» – могли быть сочтены оскорбительными для приверженцев ислама или же для арабов как таковых. Статуи святых, у подножия которых изображены поверженные мавры, драпируются таким образом, чтобы это «неполиткорректное» подножие было полностью укрыто от взоров материей и цветами, и т.д.

Вместо слова «негр» в официальной лексике принято использовать слово «цветной» («de color»), вместо слова «мавр» – «араб», и т.д. Практически все опрошенные мной на этот счёт утверждали, что «среди своих» они изъясняются, как и прежде (я и сам не раз слышал слово «негр», «негритянка» из уст местных жителей без какого-либо уничижительного оттенка), – но вот публично произнести «табуированные» выражения уже не всегда решаются.

Одни посмеивались над новыми веяниями, буквально на глазах превращающимися в безальтернативные правила (однажды собеседник указал мне на условность термина «цветной», поскольку, мол, он ведь и сам «цветной», только его цвет – белый); другие говорили о них с презрением, как о фальши и лицемерии (*«ничего не делается для предотвращения бедствий и преступлений в мире, стреляют в негров и арабов, лезущих через ограду в Сеуте и Мелилье (чтобы попасть на территорию ЕС. – А.К.), но при этом полно пафосных деклараций о правах человека, о том, что нельзя обижать уязвимых и угнетенных»*). Однако общее отношение скорее спокойное, даже спокойно-снисходительное, как к данности: сами не разделяют, но угрозы в этом явлении не видят и готовы понять тех, кто усвоил новые правила игры.

### ***Пенсионеры и инвалиды в общественном пространстве***

Обращает на себя внимание большое количество пожилых, старых и очень старых людей на улицах и в общественных местах днем, но особенно вечером, в будни и праздники, порой шумно общающихся (с пивом и вином), играющих в карты в местных барах и тавернах. Очень много среди них таких, кто не в состоянии передвигаться самостоятельно, и их сопровождают, ведут под руку или катят на специальных колясках более молодые люди, чаще женщины, по виду и поведению – младшие члены семьи или служанки, среди которых много очевидных иностранок. Такая же картина с инвалидами. Я интересовался, всегда ли было так, по-

скольку в прежние времена, 20–25 лет назад, это как-то не бросалось в глаза на улицах испанских городов, и мне подтверждали, что действительно раньше такие люди обычно сидели дома. Таким образом, можно говорить об очевидном (и отрадном, на мой взгляд) изменении норм общественной приемлемости в пользу обедлённых здоровьем и физическими возможностями сограждан.

Я то и дело натыкался на объявления, предназначенные пенсионерам, с приглашениями на автобусные экскурсии в другие города и регионы страны за почти символические деньги, явно покрывающие разве что часть необходимых расходов. В одной из таких поездок удалось поучаствовать и мне, и впечатления остались незабываемые: большую группу (более ста) ветеранов провезли через три региона, за сотни километров от дома, квалифицированные гиды водили экскурсантов по музеям и достопримечательностям старинных городов, знакомили с традиционным винным и консервным производством, с непрременной дегустацией продукции, а кульминацией стала обильная трапеза в ресторане, растянувшаяся на два с лишним часа.

Энергии и жизнелюбию этих совсем не молодых людей можно было только позавидовать, при этом на протяжении всего пути мы встречали во множестве другие «пензионерские» группы, также совершавшие экскурсионные поездки по самым разным маршрутам. Один из спутников сказал мне, что власти всех уровней всегда считаются с пенсионерами и стараются избегать конфликтов с ними: их в стране очень много, и с каждым годом становится всё больше, население быстро стареет, при этом пожилые люди гораздо больше, нежели аполитичная молодёжь, склонны выполнять свой гражданский долг у избирательных урн.

Кстати, под «молодёжью» понимается всякий, не достигший тридцатилетнего возраста. Сужу по всевозможным объявлениям, сулящим молодым людям всяческие льготы и скидки (например, при посещении местной оперы).

### ***Почитание земляков***

В разных городах и селениях Страны басков возведены скульптурные сооружения (разного стиля и разной степени художественных достоинств) в честь знаменитых земляков, среди которых сподвижник Колумба Ф. де Гарай, участник кругосветной экспедиции Магеллана Элькано, пламенная республиканка Долорес Ибаррури, первый погибший на трассе Тур-де-Франс велогонщик Ф. Сепеда, но также и выдающийся модельер Баленсиага, прославленный и очень модный кулинар Карлос Аргиньяно и многие, многие другие, известные далеко за пределами своих родных мест. Однако нередко можно видеть увековеченной – в виде скульптур или мемориальных досок – память о людях, известных только своим землякам, выражающим таким образом свою благодарность. Чаще всего речь идет о разбогатевших в Америке местных уроженцах («индианос»), которые вложили свои деньги в повышение общественного благосостояния «малой родины»: оплатили сооружение моста, устройство красивого парка, строительство храма, школы или

больницы, на что у местной общины не хватало средств. В городке, где я останавливался, один из таких благотворителей ещё в XIX в. соорудил на площади между церковью и мэрией каменную стелу с двумя кранами, из которых постоянно струится вода. На стеле вырезана надпись, гласящая, что такой-то возвел этот источник на свои деньги в дар родному селению, чтобы земляки всегда пили отсюда чистую воду (сейчас, правда, её пить уже не рекомендуется, но многие всё равно приходят и набирают в разные ёмкости).

### **«Женский вопрос»**

Та моя собеседница, которая высоко оценила (см. выше) роль иммигрантов (точнее, иммигранток) в обретении испанскими женщинами возможности работать и учиться, убеждена (как и некоторые другие её соотечественники), что именно коренная трансформация роли женщины в стране представляет собой главное изменение в испанском обществе за последние десятилетия: ведь до того она была практически бесправна, её общественная активность – ничтожна; при этом франкистское государство экономически поддерживало семьи с неработающими женами. По ощущениям моей собеседницы, всеобщая женская эмансипация изменила и уклад жизни, и всю общественную атмосферу. И очень многим из миллионов женщин, решившихся на то, чтобы вопреки традиции совмещать семейные и родительские обязанности с учебной или работой, а порой тем и другим сразу, пришлось «адски трудно». По словам моей респондентки, общество не было против такого выбора – но и никак не помогло тем, кто на него решился, не стимулировало их. При этом женщина оказывалась в более уязвимой ситуации, нежели мужчина: платили ей меньше, а при сокращении, беременности и т.д. увольняли первой.

Тема женского равноправия и борьбы с дискриминацией явно продолжает оставаться актуальной в стране, о чем свидетельствуют многочисленные газетные статьи и публичные высказывания представителей разных слоёв общества уже на протяжении долгого времени. В последние годы в испанских средствах массовой информации стали особенно много говорить и писать о насилии в семье (в подавляющем большинстве случаев – по отношению к женщинам), так что у некоторых возникло ощущение какой-то необъяснимой его вспышки, и даже появились разные объяснения этому явлению. Эксперты-этнологи, с которыми довелось общаться, считают, что в реальности ничего не изменилось, кроме того, что теперь гораздо чаще становится явным то, что прежде оставалось тайным, скрытым от всеобщего внимания. Во всяком случае, на двери офиса ветеранского сообщества в моём посёлке красуется надпись, предупреждающая, что «здесь категорически осуждается насилие по отношению к женщине».

### **Семейный уклад и мировой кризис**

Почти все, с кем удалось побеседовать за время моей командировки, говорили, что условия жизни нынешней молодёжи (т.е. тех, кто ещё не достиг 30 лет) су-

щественно отличаются от тех, которые достались более ранним поколениям. Уже много лет продолжающийся финансово-экономический кризис фактически сделал постоянным фактором испанской жизни довольно высокий уровень безработицы (около четверти трудоспособного населения), причём в среде молодых людей число тех, кто не имеет постоянной работы, достигает едва ли не половины.

Не однажды мои собеседники старшего и среднего возраста противопоставляли собственный жизненный опыт опыту своих детей или в целом более младших поколений. По их воспоминаниям, во времена молодости они чрезвычайно ценили свободу и возможность самим распоряжаться собственной судьбой и поэтому старались как можно раньше покинуть родительский дом, чтобы жить отдельно (так поступали и юноши, и девушки, одна из которых – ныне работающая мать семейства – отселилась от родителей в 16 лет) и самостоятельно добывать средства к существованию.

Теперь же молодые люди во многих случаях живут с родителями очень долго – пока не найдут постоянную хорошо оплачиваемую работу. В наши дни, как объясняли мне, независимость ценится гораздо меньше, потому что только помощь родителей, лучше устроенных в жизни и обеспеченных, позволяет сносно жить их детям, не имеющим работы или же очень мало получающим. Более того, происходит смещение на более поздние сроки, вынужденное «откладывание» практически всех значимых этапов жизни человека. Это касается и начала самостоятельного проживания отдельно от родителей, и обретения надёжного источника существования, заключения брака, обзаведения семьей, рождения ребенка.

Такие обстоятельства «запаздывающего взросления» не могли не отразиться на стиле жизни и поведения молодёжи. Так, мне рассказали о распространившейся практике времяпрепровождения молодых людей, состоящей в том, что группами в 10–20 чел. они совместно снимают большую квартиру, где и пребывают основную часть времени в общении друг с другом (далеко не всегда безупречном) – при этом есть и спать ходят к своим родителям.

Вместе с тем в таком вынужденном «симбиозе поколений» мои собеседники видели подтверждение крепости семейных устоев в современной Испании, поддержанию и даже укреплению которых способствовал продолжающийся кризис. Многие молодые люди, оказавшиеся не в состоянии оплачивать независимую жизнь, вернулись под родительский кров. Моим респондентам известны даже ситуации – правда, они говорили о них как о крайностях, – когда молодые супруги живут отдельно друг от друга, каждый в доме своих родителей, ожидая возможности зажечь собственный семейный очаг. Куда чаще случаи, когда бабушки и дедушки забирают к себе на содержание внуков, чтобы позволить их родителям (своим детям) «удержаться на плаву». В целом, испанская семья и семейные ценности удивительным для многих наблюдателей образом демонстрирует свою устойчивость на фоне отмирания и разрушения многих других структур, прежде казавшихся незыблемыми.

### ***Коррида***

Стремление собрать как можно больше информации о тех радикальных изменениях «в духе времени», которые происходят в последние годы с традиционными праздниками в Испании, было одной из основных целей данной поездки, и нужно сказать, что ожидания вполне оправдались. Тенденции и конфликты, которые удалось зафиксировать в «фольклорно-праздничной» сфере Страны басков, практически полностью совпадают с тем, что наблюдается в других областях Испании, а кроме того, они, похоже, в концентрированном виде отразили как содержание кардинальных социально-культурных трансформаций, которые переживает сейчас испанское общество, так и порождённые этим разногласия и противоречия. Впрочем, данной теме будет посвящено специальное исследование, а здесь я хотел бы посвятить несколько слов корриде. Известно, что уже длительное время это всемирно известное проявление испанской культурной традиции подвергается в самой Испании суровой критике, причём с самых разных сторон. В ряде мест проведение корриды было и вовсе отменено.

Мнения на этот счёт моих собеседников из Страны басков также отразили несколько точек зрения. Дело в том, что неподалёку от места, где я жил, возвышалась арена для боя быков, про которую мне с гордостью говорили, что она – вторая по значимости в Бискайе. По словам одного из местных жителей, некоторое время назад муниципальные власти перестали выделять деньги на содержание арены и проведение корриды, и это было равносильно её запрету. Действительно, арена снаружи выглядит несколько запущенной, даже обветшалой – но и сезон давно закончился, а новый ещё не скоро, и некоторые мои респонденты выражали твердую уверенность в том, что ни о каком прекращении многолетней традиции (арена была воздвигнута в 1960-е гг.) не может быть и речи. Они ссылались на то, что свернутая было по всему региону коррида (похоже, что для этого действительно не требуется каких-то громких запретов, достаточно просто прекратить финансирование) только что возобновилась в Сан-Себастьяне (столице баскской провинции Гипускоа).

Одни из моих собеседников были настроены решительно против корриды, потому что это «испанский праздник», не имеющий корней в местной традиции. Другие – по причине её «архаичной жестокости». Но были и любители древнего зрелища, считающие все политические игры вокруг него не достойными серьёзного внимания. Как сказал один из коллег, вопреки усилиям баскских националистов, борющихся против корриды по идеологическим соображениям, сельское население баскских провинций воспринимает традиционные «бычьи забавы» (а они тут существуют в разных вариантах) как часть своей исконной культуры и не намерено отказываться от них. Иное дело, что этот традиционный сельский мир слабеет и исчезает буквально на глазах.

### ***Речевой этикет***

Впервые в этой поездке я услышал объяснение феномену испанской повседневной культуры, который меня всегда занимал и к которому было довольно

трудно привыкнуть. Я имею в виду почти всеобщее «тыканье», обращение на «ты», особенно в тех ситуациях, в которых в нашей, например, стране даже относительно воспитанные люди будут употреблять местоимение «вы»: при общении младших со старшими, учащихся с преподавателями, при обращении к незнакомым людям и т.д. Один из местных историков утверждает, что такая манера закрепилась в обществе в предшествующий нынешней демократии авторитарный период испанской истории: правившие в стране франкисты обращались друг к другу на «ты», товарищески, и эта речевая форма постепенно была воспринята всеми остальными слоями местного населения. Не знаю, насколько можно доверять такому объяснению, но других истолкований данного явления я до сих пор не встречал.

Нужно сказать, что утрату уважения к старшим и образованным со стороны всех остальных мне не однажды называли в качестве одного из основных изменений в испанском обществе последних десятилетий. Один из моих собеседников во время нашего разговора в кафе, указав на молодого мужчину за соседним столиком, сказал: *«Он, небось, и не знает, что означает слово “дон” (особо уважительное обращение к мужчине. – А.К.)»*.

\* \* \*

Оценивая в целом результаты поездки в Страну басков осенью 2015 г., должен сказать, что она была не просто полезной, но совершенно необходимой для понимания происходящих там – как и во всей Испании – трансформационных процессов. Они столь радикально изменили в последние десятилетия многие стороны жизненного уклада и общественных отношений, мировоззренческие основы и ценностно-культурные ориентации местного населения, что некоторые аналитики даже считают возможным говорить о «смене эпох» испанской истории<sup>4</sup>. Такая резкость перехода во многом обусловлена влиянием факторов глобального характера, но она также чревата нарастанием противоречий между носителями двух различных культурно-ценностных систем: между сторонниками «традиционного» уклада и их противниками, ориентирующимися на «современные», «универсальные» образцы. В некоторых случаях дело доходит едва ли не до гражданского противостояния – как это имеет место в событиях последних лет вокруг ряда традиционных фольклорных праздников. Очень важную информацию по названной теме также удалось получить, но этому вопросу в ближайшее время я планирую посвятить отдельную работу.

Закончу свой текст запомнившейся мне символичной картинкой: по улице баскского городка молодой парень скачет рысью верхом на лошади, при этом громко говорит по мобильному телефону, прижимая его к уху.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Комарка – исторически сформировавшийся природно-хозяйственный район.
2. Флаг независимой Каталонии повторяет собой официальное историческое знамя этого автономного сообщества с добавлением к нему голубого треугольника, в который вписана пятиконечная белая звезда.
3. В том же смысле, в каком употребляется понятие «русский мир».
4. См., напр.: *Lamo de Espinosa E. Pasamos de contrareforma a la contracultura en pocos años // La Nueva España. 1.03.2009. P. 11–12.*

*И.А. Кучерова*

**«Финансовые викинги», вулканы и Евросоюз:  
исландская идентичность после кризиса**

Предлагаемая работа основывается на полевых исследованиях, проведенных мной в Рейкьявике в октябре 2015 г.; частично на сведениях, полученных в ходе включенного наблюдения в 2008–2009 гг., а также на анализе материалов СМИ и интернет-источников. Необходимо отметить, что текст не претендует на полноту охвата материала: поскольку все интервью проводились с городскими жителями (исландцами и мигрантами из стран Европы), большая часть которых имела высшее образование, можно говорить скорее о некоторой тенденции.

Кризис 2008–2009 гг. оказался неким лейтмотивом моих разговоров с жителями Рейкьявика – как приезжими, так и исландцами. Эта тема так или иначе всплывала в ходе большинства бесед: многие говорили о том, что это самое значимое событие последних лет; критиковали политику правительства или, напротив, с уважением высказывались о «народном» движении исландцев за свои права; проводили параллели между предкризисной ситуацией и сегодняшними перспективами развития. Очевидно, что мировой экономический кризис, особенно остро отразившийся на Исландии, во многом изменил восприятие исландцами своей страны: начиная от представлений об экономической и политической системах, соотношения «локального» и «глобального» до символов «исландскости». В настоящем тексте я постараюсь дать набросок этих изменений.

Итак, к 2007 г. проводимые неолиберальные реформы, казалось бы, дали прекрасный результат: развитие банковского сектора привело к быстрому росту исландской экономики. В течение нескольких лет Исландия входила в число стран с наиболее высоким уровнем жизни, а в 2007 г. была признана ООН страной с наивысшим индексом человеческого развития в мире<sup>1</sup> – событие, которое широко освещалось в СМИ. Экономические успехи страны пропагандировались, связываясь в общественном дискурсе с престижным историческим и литературным прошлым страны. В отношении успешных финансистов употреблялись такие выражения как «финансовые викинги» (*útrásavíkingar*)<sup>2</sup> и «бизнес-скальды» (*athafnaskáld*); они, таким образом, приравнивались к ключевым для исландской идентичности фигурам: викингам и поэтам:

*«Как мы знаем, исландская культура всегда уважала таланты людей, которые слагали поэзию и рассказывали истории, которые были творческими уча-*

*стниками взаимоотношений с другими. Люди, отличавшиеся оригинальностью при выборе слов, всегда уважались обществом, и нация ценила поэтов выше, чем чиновников. Это отношение сегодня перенесено на бизнес-общество: исландский термин для обозначения новатора или предпринимателя – “athafnaskáld”, что буквально означает “бизнес-поэт”. Восхищение творческими людьми переносится с древних времен в новую эру, и оригинальность – это ресурс, который существует благодаря культуре нашей маленькой нации. Эти качества могут быть решающими в глобальной экономике»<sup>3</sup>.*

Президент Исландии Оулавюр Рагнар Гримссон (с 1996 г. – по н.в.), цитата из выступления которого приведена выше, в течение нескольких лет до кризиса произносил речи на официальных международных мероприятиях. В них он «натурализовывал» экономический успех, представляя его следствием характерных для исландцев качеств, сохранившихся ещё со времен «века саг»: мужеством, предприимчивостью, склонностью к риску, умением работать, нелюбовью к бюрократии и скромностью в ущерб себе («мы, исландцы – нация, которая открыла Америку 1000 лет назад, но никому об этом не сказала»<sup>4</sup>). Исландия представлялась прогрессивной «лабораторией инноваций»: как экономических, так и технологических (в области «зеленой» энергетики, построенной на использовании возобновляемых источников), примером для других «малых наций»<sup>5</sup>. Подчёркивалась давняя демократическая традиция («первый парламент Европы»), стремление исландцев к равенству, отсутствие коррупции.

Однако в октябре 2008 г. ситуация резко изменилась: в результате мирового финансового кризиса экономика Исландии пострадала сильнее всего. Страна оказалась на грани банкротства и была вынуждена обратиться за помощью к Международному валютному фонду. Кризис, продлившийся до 2011 г., во многом изменил мироощущение исландцев.

Это стало шоком для всех: из «образцового» и прогрессивного государства страна фактически превратилась в изгоя. Восьмого октября 2008 г. правительство Великобритании под руководством премьер-министра Г. Брауна заморозило средства исландских банков на британских счетах, при этом основанием послужил Закон о противодействии терроризму 2001 г. (Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001), что вызвало массовое негодование исландцев: люди были возмущены как экономическими последствиями этого шага, так и тем, что они были приравнены к Аль-Каиде, Талибану и Северной Корее. Пребывавшие за границей исландцы впервые столкнулись с выраженным негативным отношением: в конце 2008 г. ходили рассказы о том, что исландцев оскорбляли и отказывались обслуживать в английских кафе и магазинах – потерявшие деньги в связи с ситуацией в Исландии вкладчики выплескивали таким образом своё недовольство<sup>6</sup>.

Пытаясь поправить положение, Исландия подала заявку на вступление в Евросоюз, что также вызвало неоднозначную реакцию общества. Экономический кризис (крона обесценилась, втрое выросла безработица, упал уровень жизни) и кризис

доверия вызвали политический кризис: впервые с 1970-х гг. начались массовые протесты (получившие название «революции свитеров» или «революции кастрюль и сковородок»). Были вскрыты многочисленные злоупотребления банкиров; часть из них впоследствии была арестована и получила тюремные сроки.

Кризис предсказуемо вызвал волну националистической риторики, которая, однако, несколько видоизменилась по сравнению с докризисной. Появилось представление о том, что в последние несколько лет Исландия вела «неправильную» жизнь; теперь предлагалось вернуться к истокам, здоровым основаниям, не испорченным жадностью и консьюмеризмом<sup>7</sup>. Именно в этот период в газетах печатались вдохновляющие «агитплакаты», призывавшие исландцев объединиться и, трудясь сообща, перетерпеть несколько лет экономии ради того, чтобы построить новое, лучшее общество<sup>8</sup>. Таким образом, кризис – по крайней мере, частью жителей Исландии – рассматривался не только как кара за неправильный образ жизни, но и как возможность для развития<sup>9</sup> – как экономического (развитие местного сельского хозяйства и предпринимательства, внутреннего туризма), так и «морального» (возврат к настоящим ценностям, стимул для дальнейшего развития демократии и общественного контроля).

В 2009 г. правительство было распущено, и неолибералов у власти сменили левые, которые, тем не менее, вынуждены были продолжить политику жесткой экономии, в первую очередь, – в социальной сфере. В 2010 г. альтинг принял законопроект о выплате компенсации британским вкладчикам, но президентом было наложено на него вето. Вопрос был вынесен на всеобщее голосование (впервые с 1944 г. – для этого альтинг был вынужден принять специальный закон<sup>10</sup>), и на проведенном референдуме исландцы подавляющим большинством голосов отказались от выплаты компенсаций. В том же году было решено сменить конституцию страны на новую, демократичную и отвечающую современным реалиям в отличие от *«архаичного листка бумаги, оставшегося от колониальных времен, дарованного нам датским королем в XIX в.»*<sup>11</sup>.

Символом новой, правильной жизни, таким образом, становился главный закон страны – теперь не «спущенный свыше», а созданный непосредственно самим «исландским народом» в ходе демократической процедуры – для этого были случайно выбраны лица (большинство которых не являлось профессиональными юристами), вошедшие в конституционный комитет, задачей которого было создание обновленного текста конституции.

В том же году произошло ещё одно событие: 14 апреля началось извержение вулкана Эйяфьядлайёкюдль. Из-за выбросов вулканического пепла в течение нескольких дней прекратилось авиасообщение во многих странах. В долгосрочной перспективе, однако, это положительно сказалось на исландской экономике: во всём мире вновь вспомнили про Исландию – но на этот раз не как про страну-банкрота, но как про нетронутую промышленностью землю с уникальными природными условиями. В сочетании с низким курсом кроны это привело к быстрому росту тури-

стического потока: с 2008 по 2014 г. число приезжих увеличилось почти в два раза – с 502 000 до 997 556 чел.<sup>12</sup> В свою очередь, Эйяфьядлайёкюдль превратился в бренд: на данный момент существенная часть сувенирной продукции Исландии связана либо непосредственно с ним, либо с вулканами в принципе<sup>13</sup>. Вулканы и лава, таким образом, становятся связующей нитью между островом и внешним миром, посредником между «дикой» природой Исландии и домашним бытом; наконец, привлекательным способом «употребить» Исландию: символически или буквально, как в случае с «лавовым» печеньем.

Стабилизация мировой экономики и рост туризма способствовали окончанию кризиса в 2011 г. Тем не менее, он – как и любая травма – привёл к пересмотру ценностей и самовосприятия: особенно для молодых людей, которые не застали кризис 1960–70-х гг. и выросли в относительно благоприятных экономических условиях. Многие исландцы более старшего возраста также до сих пор чувствуют себя обманутыми:

*«Нам говорили, что у нас нет коррупции. Это сказали иностранные исследователи, которые это изучали, и мы поверили. Но всё оказалось не так – оказалось, что коррупция есть, просто не такая, как в других европейских странах: построенная не столько на деньгах, сколько на отношениях. Но людям от этого не легче»<sup>14</sup>.*

Неудивительно, что, несмотря на экономический рост в последние два года, многие настроены пессимистично. Туристический бум (мне называли цифру в 1 700 000 туристов в этом году<sup>15</sup>; официальных данных пока нет) обеспечил значительный приток средств: в 2014 г. туризм впервые опередил рыболовство и алюминиевую промышленность по доле в экспорте товаров и услуг – его доля достигла 27,9%<sup>16</sup> и продолжает расти. Однако этот рост в сочетании с возвратом к власти неоллибералов, сокращающих расходы на образование и медицину, вызывает беспокойство: люди понимают, что если «мода» на Исландию кончится, деньги тут же исчезнут.

В обществе складывается ситуация, когда прежний подход воспринимается как доказавший свою несостоятельность, но новых идей развития так и не появилось. Страна, с точки зрения многих, вновь идет по тому же пути: «и этот пузырь тоже лопнет через несколько лет» было одной из самых частых фраз моих респондентов. Особенно остро по этому поводу высказывались люди 30–40 лет, говоря, что кризис разочаровал всех, но в то же время дал многим надежду на какие-то значительные изменения; это был шанс построить общество на новых, более демократичных и справедливых основаниях. Однако в итоге всё вернулось на круги своя: готовившаяся с помпой в 2010 г. новая «народная» конституция затерялась в парламентских недрах – фактически принятыми оказались лишь некоторые наименее радикальные поправки; вступление в Евросоюз оказалось замороженным (большинство моих респондентов относилось к идее вступления в Евросоюз положительно, хотя в обществе есть и противники этой перспективы); не возникло и

каких-то новых, более демократичных моделей взаимодействия государства и общества<sup>17</sup>.

Многие из моих респондентов приводили кризисный опыт в качестве аргумента в пользу необходимости большей демократизации общественной жизни. В частности, вопрос вхождения в Евросоюз воспринимается ими не только с точки зрения выгоды или проблем для Исландии; часть исландцев возмущена именно тем, что решения о подаче заявки и о её отзыве были приняты без общественного обсуждения<sup>18</sup>. В этих условиях, видимо, не случаен успех новой «Партии пиратов», которой прочат парламентское большинство на ближайших выборах. С одной стороны, партия появилась уже после кризиса и не ассоциируется с ним. С другой – она заполнила появившуюся после кризиса нишу, предлагая не только свободный доступ к информации, но и политическую программу с акцентом на демократичности, критичности, глобальности, уважении к частной жизни и, в то же время, участию каждого в жизни общества, в т.ч. с помощью специальной платформы для интернет-голосования. Последняя уже начала свою работу, хотя пока не пользуется большой популярностью; на обсуждение выносятся различные вопросы: от вступления в Евросоюз<sup>19</sup> до присуждения нобелевской премии Э. Сноудену или регулирования законодательства в области электронных сигарет<sup>20</sup>. Несмотря на то, что часть жителей Рейкьявика относится к ним скептически («Я лично знаю ребят оттуда: хорошие люди, но я не вижу, чтобы они могли что-то изменить»<sup>21</sup>), по последнему опросу Gallup «пираты» занимают первое место среди парламентских партий: за них собирается проголосовать 32,9% исландцев<sup>22</sup>.

Однако помимо традиционного для Исландии подчёркивания «первой демократии в Европе» («эпоха народовластия» представляется как «золотой век» в учебниках, музеях и т.п.), большая значимость придается активному участию жителей страны в политике: прежде всего на низовом, самоорганизующемся уровне. Совместное и демократичное принятие решений начинает рассматриваться как часть идентичности. Исландский антрополог Кристин Лофтсдоухтир в своей статье «Building on Iceland's 'Good Reputation': Icesave, Crisis and Affective National Identities» описывает собственный опыт голосования на референдуме 2011 по поводу выплаты компенсаций Великобритании следующим образом:

*«Входя в школу и встречая других людей, улыбающихся, одетых в праздничное, было легко почувствовать чувство общности, чувство принадлежности. ... Я думала о том, как сам процесс голосования создал длительное чувство единения и близости – чувство принадлежности к исландскому государству и обладания правом голоса как его гражданин»<sup>23</sup>.*

Общественные движения «снизу» (*grassroot movements*) многие из моих собеседников считали очень важными: как форму самоорганизации и общественного контроля, поиска новых инициатив, а при необходимости – и как способ давления на излишне консервативную власть. Популярность общественных движений (как и

публичных форм протеста) возросла после протестов 2009 г., когда массовые демонстрации стали популярной формой отстаивания интересов и альтернативной формой взаимодействия с несостоятельной «официальной» властью. Люди активно отстаивают свои права (и не только свои, но и, например, несправедливо выслаемых, на их взгляд, албанских семей с детьми, в т.ч. нуждающимися в медицинской помощи). Это вызывает определенное восхищение иностранцев: как сама возможность открытого, но мирного, выражения недовольства, так и то, что эти движения приводят к реальным изменениям.

*«Мне очень понравилось, как они вышли из кризиса. Сами вышли, все вместе работая, а не уповая на правительство. Хотя, собственно, кризис из-за правительства и был. Но я их за это уважаю»<sup>24</sup>.*

Тем не менее, как уже говорилось, многие из моих информантов-исландцев выражали мнение, что исландская демократия недостаточно «демократична», как правило, связывая это с недостаточным контролем общества над экономикой (что привело к краху) и экологией (что может стать причиной краха в дальнейшем)<sup>25</sup>. Порой это приводило к несколько парадоксальным высказываниям: так, по словам одного из моих собеседников, единственная страна, где есть настоящая демократия – это Швейцария, потому что там женщины получили избирательное право только в 1971 г. Он аргументировал это тем, что при голосовании действительно учитывалось и уважалось мнение всех избирателей, а большинство было против предоставления женщинам этого права<sup>26</sup>.

Дискуссия о вступлении в Евросоюз, явившаяся следствием кризиса, повлияла и на восприятие исландцами локального и глобального. Как и в большинстве стран мира, соотношение «локального» и «глобального» для Исландии сместилось после 2000-х гг., однако кризис 2008 г., наглядно продемонстрировавший взаимозависимость экономик, в буквальном смысле изменил её мир – вплоть до особенностей материальной культуры. Так, одна из моих собеседниц отметила появление на рынке значительного количества новых исландских продуктов питания: от «молочки» до сладостей (причудливых разновидностей джемов и конфет из лука, картофеля и других местных овощей)<sup>27</sup>; акцент делался именно на их исландское происхождение. С другой стороны, привычный набор продуктов в период кризиса оказался несколько ограничен; уменьшился выбор (например, в отношении и так не слишком многочисленных фруктов), выросли цены. В начале кризиса даже появлялись слухи о возможных задержках поставок продовольствия – этого, впрочем, не произошло<sup>28</sup>. Банкротство страны и сократившиеся из-за финансовых проблем возможности – как страны в целом, так и отдельных людей – привели к усилению чувства изоляции. Своего рода апофеозом стало закрытие в 2009 г. всех ресторанов сети «Макдональдс»: их исчезновение стало для многих символом исключения Исландии из мирового «цивилизованного» сообщества<sup>29</sup>.

Другие изменения произошли с одеждой: в соответствии с идеей «возврата к корням» «традиционный» исландский свитер (*lopapeysa*) во время кризиса превратился из туристического сувенира в своего рода «национальный костюм»<sup>30</sup>. Так, значительная часть интервью в местных газетах сопровождалась фотографиями интервьюируемых в *лопapeйса*<sup>31</sup>; замечу, что в настоящее время число подобных фото существенно меньше. Возросший интерес к вязанию отмечали и мои информанты, связывая его с националистической риторикой:

*«До этого все носили только флис, мы всё время ходили во флисе. А когда начался кризис, многие начали вязать: как из экономии, так и потому, что в это время мы стали немного националистичными, если можно так сказать»<sup>32</sup>.*

Однако после окончания кризиса националистические чувства пошли на убыль: маятник качнулся в противоположную сторону. Если для второй половины XX в. была характерна «охранительная» модель (культуру можно спасти от ассимиляции только с помощью государственного регулирования с целью ограничения внешних влияний), то теперь раздаются призывы отказаться от неё: живая культура не может не меняться, она умирает в изоляции. Судя по всему, свою роль в этом процессе сыграло и то, что национализм начал ассоциироваться у людей – в первую очередь, у молодого поколения – с несправедливостью, с кризисом и оторванностью от внешнего мира; «локальностью поневоле», противопоставленной престижной «глобальности». Для большинства людей младше сорока, с которыми я разговаривала, это слово имело крайне негативные коннотации. При этом национализм понимался ими очень широко: от нацизма или идеи, что исландцы в чем-то лучше других, до, казалось бы, невинного интереса к исполнению *рим* (традиционной поэзии)<sup>33</sup> или просто наречения ребенка исландским, а не «международным» – вроде Сары или Даниэля – именем<sup>34</sup>. Так, одна из моих респонденток сказала, что не хочет считать себя исландкой: Исландия – слишком националистическая страна, а этническая и гражданская идентичность кажутся ей искусственными и опасными ярлыками; с её точки зрения, они разъединяют людей<sup>35</sup>.

Характерно, что практически все мои собеседники прожили по несколько лет в континентальной Европе и бывают там достаточно регулярно<sup>36</sup>. Многие из молодых хотели бы туда эмигрировать: Исландия воспринимается ими как изолированная, кичащаяся своей мнимой самобытностью страна – остров, отрезанный от мирового мейнстрима. Молодёжь гнетет не только скука (особенно за пределами Рейкьявика; впрочем, и в столице массовое пьянство на выходных является проблемой – толпы напившихся до потери человеческого облика шокируют как самих исландцев, так и приезжих)<sup>37</sup>, но и практически полное отсутствие анонимности в городе численностью в 121 822 чел. и множеством родственников. По той или иной причине (маленькие дети, хорошо оплачиваемая и интересная работа – своя или супруга) не все, даже обладающие достаточными ресурсами, могут переехать в Ев-

ропу на постоянное жительство. Однако потребность в выходе за пределы ограниченного во многих смыслах пространства настолько сильна, что наиболее радикально настроенные респонденты предлагали вообще «отказаться от этой устаревшей идеи о независимости Исландии»<sup>38</sup> или «отменить государственные границы как пережиток прошлого»<sup>39</sup>. Один из интервьюируемых даже сказал, что иногда думает, что «извернулся бы уже, что ли, вулкан, затонула бы Исландия – и переехали бы все в Европу, и жили бы там нормально»<sup>40</sup>, – жизнь на острове становится почти физически невыносимой.

Ярое отрицание национализма моими собеседниками и их стремление соотносить себя с континентальной Европой (и относить себя к ней) – в первую очередь, Скандинавией – отражаются и на восприятии ими миграционного кризиса. По данным опроса *Market and Media Research*, проведенного в начале сентября 2015 г., 88,5% исландцев выступали за принятие беженцев. При этом лишь 19,1% считали справедливой назначенную правительством квоту в 50 чел. на два года; остальные считали, что квота должна быть увеличена<sup>41</sup>.

В связи с недовольством политикой по отношению к беженцам было запущено общественное движение «Дорогая Эйглоу Хардар – Сирия зовет!» (*Kæra Eygló Harðar – Síýland kallar!*) в форме письма к министру социальной защиты<sup>42</sup>. Инициатор движения Бриндис Бьёргвинсдохтир предложила за собственный счёт принять двух человек из Сирии и призвала своих знакомых последовать её примеру. К движению присоединилось множество исландцев и иностранцев (акция упоминалась в СМИ большинства стран) на «Фэйсбуке», более 3000 жителей Исландии записались в качестве волонтеров в «Красный крест». (В результате общественного отклика правительство приняло решение увеличить квоту до 100 чел. в год.)

Большинство людей младше 40, с которыми я говорила, активно выступали за значительное увеличение квоты на беженцев<sup>43</sup>, вплоть до нескольких тысяч, говоря, что это долг любого человека – помочь оказавшемуся в беде, и что другие страны принимают гораздо больше. Даже если Исландия не сможет предоставить им идеальные условия (хотя земля здесь пустует, её хватит на всех), это будет лучше, чем нынешняя ситуация; когда гибнут дети – нужно отказаться от ложного прагматизма<sup>44</sup>.

Напротив, старшее поколение относится к национализму значительно спокойнее: оно понимает его в более узком смысле и отделяет от нацизма, а зачастую и оправдывает его умеренную форму как способ сохранения исландской культуры в условиях глобализации. Один из моих респондентов выразил это так:

*«... вот сейчас это мода – предать национализм анафеме. Он плохой ... он разжигает вражду и всё такое. Это далеко не обязательно. Причём национализм маленького народа очень отличается от национализма крупного народа. Национализм крупного народа обычно связан с каким-то чувством или пропагандой собственного превосходства над другими. ... Национализм маленького народа – он вряд ли вредный, потому что шовинизма особенного тут не будет.*

*Это просто культурный национализм. ... Мне кажется, что свой национальный идентитет – это важно»<sup>45</sup>.*

Как видно из приведённой выше цитаты, отказываться от независимости Исландии они также не спешат – для них суверенитет гораздо более значим. Отличается и их отношение к проблеме беженцев: пожилые настроены более скептически, говоря о том, что, конечно, Исландия может принять больше беженцев, чем изначально заявленная цифра в 50 чел., но несколько тысяч – это нереальная цифра: их невозможно обеспечить ни нормальным жильем, ни социальным и медицинским обслуживанием.

Ещё одно посткризисное явление, оказывающее значительное влияние на жизнь исландцев – это уже упоминавшееся резкое увеличение туристического потока. Рейкьявик превращается в туристический город – и большинству респондентов, независимо от их возраста, это не очень нравится: они считают, что город «теряет лицо» и становится «стандартным»<sup>46</sup>. К тому же огромное количество туристов вызывает и другие проблемы: стремительно дорожающее жильё, особенно в Рейкьявике, и нехватка жилого фонда (город активно строится – но строят прежде всего дорогие отели, которые к тому же не слишком востребованы интересующимися природой туристами<sup>47</sup>). Приезжающие тратят значительные суммы денег, что увеличивает инфляцию и поднимает цены. Возникает нехватка рабочей силы в сфере обслуживания, свободные места занимают иностранцы (как правило, из стран Евросоюза, в первую очередь, Польши и Литвы). Многие отмечают, что это приводит к ситуации, когда в кафе Рейкьявика уже нельзя заказать что-то на исландском языке, т.к. официанты-иностранцы говорят только по-английски<sup>48</sup>. Подобная ориентация на туристов раздражает старшее поколение:

*«Наверное, это нехорошо – Вы, может быть, скажете, что я националист – но когда я прихожу в ресторан, а там официант по-исландски не знает ни слова, я просто встаю и ухожу. По-моему, надо учить язык, хотя бы немного, если ты в этой стране работаешь»<sup>49</sup>.*

Наконец, у людей вызывают опасения возможные экологические проблемы: огромное количество туристов, которое приезжает в первую очередь с целью полюбоваться вулканами, пустошами и ледниками<sup>50</sup>, рискует нарушить равновесие хрупкой северной природы:

*«такое количество людей – большой риск для природы ... ведь это как убить или ранить беззащитного ребенка ... природа тоже не может защитить себя»<sup>51</sup>.*

Отчасти с туризмом связано и изменившееся восприятие своей страны. Ориентация на туризм вместе с переоценкой национализма (а также, вероятно, изменением отношения к чтению и печатному тексту) приводит к постепенному отходу от традиционного восприятия Исландии как «страны саг», которое ещё в конце прошлого века формировало основу исландского самосознания<sup>52</sup>. Разумеется, саги пока

не «ушли» окончательно. Исландия по-прежнему остаётся страной поэтов и писателей и продолжает позиционировать себя в этом качестве за рубежом: так, в 2014 г. вышел новый перевод собрания «Саг об исландцах» на скандинавские языки. Его презентация сопровождалась исполнением при королевских дворах Дании, Норвегии и Швеции (выступивших в качестве спонсоров) стилизованных под средневековые хвалебные скальдические песни стихотворений, написанных известным исландским поэтом и писателем Торарином Элдъярном; поздравительные речи при этом включали в себя аллюзии на «совместную» средневековую историю Исландии и соответствующей страны<sup>53</sup>. Сам Торарин предположил, что это полезно и для Исландии: публикация переводов саг за рубежом увеличит их «престижность» и пробудит к ним интерес жителей страны<sup>54</sup>.

Значительное количество людей по-прежнему увлекается стихосложением; многие публикуются (нередко после выхода на пенсию, когда появляется свободное время), но многие сочиняют просто для родных или для себя. Ещё жива, особенно в сельской местности – впрочем, в Рейкьявике тоже – традиция слагать стихи «по случаю» (к различным общественным и политическим событиям, к праздникам и юбилеям, событиям жизненного цикла), сохраняются гостевые альбомы, в которые считается хорошим тоном записывать стихи<sup>55</sup>. Большинство поэтов – как и во всём мире – предпочитают верлибр, однако многие слагают стихи и в традиционных, иногда даже скальдических, размерах. Особенностью Исландии является то, что молодые поэты нередко начинают писать поэзию на английском в расчёте на более широкую иностранную аудиторию<sup>56</sup> – несмотря на то, что при этом исландский язык воспринимается самими носителями как «дающий большие возможности для творчества»<sup>57</sup>, «поэтический»<sup>58</sup>.

Однако отмеченный Йоуном Картлом Хельгасоном<sup>59</sup> процесс продолжается (и, пожалуй, усиливается): ценность средневековой литературы пересматривается. Постепенно саги перестают быть образцом для поведения, уникальными исландскими произведениями искусства или историей – и становятся литературой из школьной программы (в которой «нет никаких чувств, никакой романтики – сплошные убийства»<sup>60</sup>). Более того – саги превращаются в дурной пример: ценности средневекового общества не могут быть перенесены на современную почву. Отчасти такое отношение связано с уже упоминавшейся предкризисной риторикой о «финансовых викингах». Ярким примером является провокативная статья «Исландские архисаги» Гудмунда Андри Торссона, в которой он соотносит «финансовых викингов» кризиса с викингами саг – развенчивая последних из героев в асоциальные неудачники:

*«Исландские саги посвящены совсем не тому, какими совершенными были исландцы; напротив – тому, насколько несовершенными они были»<sup>61</sup>.*

Однако в целом ориентация на литературу более значима для старшего поколения. Напротив, молодые люди все больше воспринимают Исландию как страну с

уникальной природой. Как сформулировал это мой собеседник, одно из мест работы которого – национальный парк «Долина тинга»:

*«Я всё время общаюсь там с людьми, и, судя по тому, что я вижу, я бы сказал, что восприятие, конечно, отличается. Сейчас воспринимают уже не так, как старшее поколение, родившееся в 60-х и раньше. ... Саги уже не так важны. Я бы сказал, что их место заняла природа. Она сейчас более значима для людей».*

Другая моя собеседница, делясь своим опытом жизни за границей, сказала:

*«Единственное, по чему я там скучала – это природа. Ни по чему исландскому у меня больше ностальгии не было. ... Действительно, здесь уникальное разнообразие, такого больше нигде не найдешь»<sup>62</sup>.*

Именно природа становится основой для репрезентации Исландии за рубежом, да и в самой стране; дикая и нетронутая, она воспринимается как ресурс, ценность которого универсальна, и в этом смысле вольно или невольно противопоставляется локальной исландской «культуре»: как литературе и поэзии, выступавшей в качестве такого ресурса в предыдущий период истории, так и промышленности, которой в Исландии так и не удалось выйти на первый план. Уничтожение природы (а не, например, исчезновение языка) означает уничтожение самой страны.

В заключение я хотела бы привести пример того, как в сознании исландцев переплетаются кризис и демократия, история и природа, становясь постоянно взаимодействующими между собой частями одного целого. Во время поездки в Долину тинга М., уже немолодая дама, показав на высаженные рядом с долиной ели<sup>63</sup>, мрачно сообщила, что подумывает однажды облить их бензином и сжечь под покровом ночи. На мой вопрос, в чем же провинились деревья, она ответила, что ели были высажены здесь банкирами-коррупционерами, которые согнали с земли семьи проживавших там раньше бондов, объявив территорию парка заповедной территорией. Однако, как оказалось впоследствии, это было сделано для того, чтобы построить там коттеджи. Строительство не было вовремя начато, потом начался кризис, и банкиров судили; но деревья (которые никогда не росли здесь) успели завезти из-за границы и посадить – они прижились, став для моей собеседницы символом разрушительной докризисной политики. Что характерно, те же самые ели, посаженные через несколько километров, не вызвали у М. негативной реакции: это была уже не порча коррупционерами исторического места – но, скорее, восстановление древних лесов, сведенных исландцами в средневековье.

Таким образом, изменения, произошедшие в исландском обществе после 2008 г. можно кратко описать следующим образом:

1. Экономический и последовавший за ним политический кризис, ввергнувшие исландское общество в шок, привели к частичному отказу от нелиберальных идей в пользу поиска «настоящей» демократии. В результате воз-

ники (или активизировались) новые механизмы взаимодействия власти и общества: референдумы, уличные протесты, «низовые движения», разработка новых принципов голосования. Одной из попыток улучшить общественный контроль стал неудавшийся проект новой конституции в 2010 г.

2. Удешевление кроны по отношению к доллару и евро, а также широко освещавшееся в СМИ извержение Эйяфьядлаёкюдль в 2010 г. привели к значительному росту туризма, что способствовало выходу из кризиса – и одновременно к изменению восприятия собственной страны и её места в мире.

3. В условной паре «локальное» – «глобальное» последнее стало обладать значительно большей привлекательностью для молодых людей. Отказ от «охранительной» модели представляется им необходимым для преодоления изоляции; часть респондентов готова даже отказаться от государственного суверенитета, чтобы влиться в глобальное сообщество. Предложение увеличить квоты для беженцев отчасти также выступает способом преодоления: это не только позволяет Исландии разделить европейские ценности и ответственность за помощь, но и дает исландцам потенциальную возможность не делить людей на «своих» и «чужих», в чем их часто упрекали во второй половине XX в.

4. Риторика докризисного периода с её «финансовыми викингими» и идеями превосходства Исландии привела к переосмыслению «традиционного» как «националистического»: будь то вязание свитеров, исполнение рим или использование имен, маркируемых как отчётливо «исландские». Если старшее поколение считает умеренный национализм залогом сохранения культуры, то многими более молодыми исландцами идея разделения людей по национальному, этническому или религиозному признаку воспринимается как опасная, а национализм имеет однозначно негативные коннотации.

5. Ряд факторов приводит к тому, что в послекризисной Исландии усиливается смещение «центра идентичности» от литературы и поэзии к природе. Ценность средневековой литературы подвергается некоторому сомнению – в то время как ценность природы воспринимается безусловной. И если для старшего поколения восприятие Исландии как страны поэтов и писателей является приоритетным, для молодёжи оно постепенно отходит на второй план, хотя и не отрицается (при этом выход на мировой рынок – и, соответственно, использование английского языка – становится всё более важным). Исландия становится для них страной уникальной природы, привлекательной не только для самих исландцев, но и для всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. NY, 2007. P. 229.
2. Útrásavíkingar – появившееся в двухтысячных выражение, дословно обозначающее «викинги, вырвавшиеся за пределы»; «исторжение» как противоположность «вторжению». Об использовании образа викингов в Исландии до и после кризиса и их связи с национализмом см., напр.: *Kristín Loftsdóttir* Krjarnmesta fólkið í heimi. Þrástef íslenskar þjóðernishyggu í gegnum lýðveldisbaráttu, útrás og kreppu // *Ritið*. 2009. No. 2–3. Bls. 113–13; *Nielsen Gremaud A.-S.* The Vikings are coming! A modern Icelandic self-image in the light of the economic crisis // NORDEUROPAforum. 2010. Vol. 20. No.1–2. P. 87–106.
3. Keynote Address by the President of Iceland Ólafur Ragnar Grímsson at «A Country of Progress – A World of Opportunities» Investment Conference. Copenhagen, 23 October 2003. P. 6 (эл. пещуьц: <http://english.forseti.is/media/files/03.10.23.Kaupm.hofn.business.pdf>).
4. Speech by the President of Iceland Ólafur Ragnar Grímsson at the conference «Iceland in London – Partnering for success». Lancaster House, London, 25 May 2006. P. 6. (эл. пещуьц: <http://www.forseti.is/media/files/06.05.25.London.pdf>).
5. Подробнее о речах Оулавюра см., напр.: *Sumarliði R. Ísleifsson* Icelandic National Images in the 19th and 20th Centuries Images of the North // *Histories – Identities – Ideas* / Ed. Sverrir Jakobsson. Amsterdam; New York: Rodopi, 2009. P. 154–155; *Katla Kjartansdóttir* Remote, Rough and Romantic: Contemporary Images of Iceland in Visual, Oral and Textual Narrations // *Histories – Identities – Ideas* / Ed. Sverrir Jakobsson. Amsterdam; New York: Rodopi, 2009. P. 277–278.
6. Полевые материалы автора. Рейкьявик, сентябрь 2008 – август 2009, октябрь 2015 гг. (далее – ПМА. 2008. 2009. 2015). ПМА. 2008.
7. «Мы стали слишком жадными, нам все время говорили что нужно потреблять, потреблять, что это хорошо» (ПМА. 2015: М., ж., 58).
8. ПМА. 2009.
9. О мировом кризисе 2008 г. как возможности для развития на примере Гренландии см. *Jensen L.* Crisis as Opportunity – Opportunity as Crisis: Greenlandic Independence and Sustainability // *Crisis in the Nordic Nations and Beyond. At the Intersection of Environment, Finance and Multiculturalism* / Ed. by Kristín Loftsdóttir and Lars Jensen. Farham, Surrey; Burlington, 2014.
10. <http://www.althingi.is/altext/stjt/2010.004.html>
11. *Egill Helgason.* Iceland Two Years After the Crash // *The Reykjavík Grapevine*. 04.10.2010 (эл. пещуьц: <http://grapevine.is/mag/articles/2010/10/04/iceland-two-years-after-the-crash/>)
12. Heildarfjöldi erlendra ferðamanna 1949–2014 (эл. пещуьц: <http://www.ferdamalastofa.is/is/tolur-og-utgafur/fjoldi-ferdamanna/heildarfjoldi-erlendra-ferdamanna-1949-2013>).
13. Так, в среднем туристическом сувенирном магазине «вулканическая» тематика будет присутствовать как минимум в половине ассортимента и включать в себя: открытки, магниты, закладки и пр. с фотографиями вулканов и извержений; кусочки застывшей лавы («частица Эйяфьядлайёкюдль») – просто «для красоты» или для использования в качестве подсвечников и пресс-папье; обыгрывание вулканической темы в дизайне украшений (как вариант – украшения с бусинами из лавы), предметов интерьера и пр.; использование в кулинарии («лавовая соль», «лавовое печенье»); майки, кружки и подставки с забавными надписями, обыгрывающими сложности произношения названия «Эйяфьядлайёкюдль», уникальные природные условия Исландии или иронизирующие над финансовым кризисом («We haven't got cash but we've got ash!») (ПМА. 2015).
14. ПМА. 2015: М., ж., 58 л.
15. ПМА. 2015.
16. *Tourism in Iceland in Figures*. April 2015. P. 2 (эл. пещуьц: [http://www.ferdamalastofa.is/static/files/ferdamalastofa/Frettamyndir/2015/mai/tourism-in-iceland-in-figures\\_15.pdf](http://www.ferdamalastofa.is/static/files/ferdamalastofa/Frettamyndir/2015/mai/tourism-in-iceland-in-figures_15.pdf)).
17. ПМА. 2015: С., м., 33 г.; П., м., около 40 л.
18. ПМА. 2015: С., м., 33 г.

19. Характерно, что «Партия пиратов», например, указывает в своей программе, что для принятия решения о вступлении в Евросоюз необходимо «информированное согласие» и «всенародный референдум», т.к. «политические партии не должны решать ни «за» ни «против», вхождения, но обязаны принять результат [референдума], каким бы он ни был» (эл. ресурс: <http://www.piratar.is/stefnumal/evropusambandid>).
20. Píratar – Kosningakerfi [страница платформы для голосования на сайте «Партии пиратов»] (эл. ресурс: <https://x.piratar.is/polity/1/>).
21. ПМА. 2015: П., м., около 40 л.
22. Iceland, November 2015. Gallup poll (эл. ресурс: <http://www.electograph.com/2015/12/iceland-november-2015-gallup-poll.html>).
23. Kristín Loftsdóttir. Building on Iceland's 'Good Reputation': Icesave, Crisis and Affective National Identities // Ethnos. 2014. P. 2.
24. ПМА. 2015: Л., м., португалец.
25. ПМА. 2015.
26. ПМА. 2015: П., м., около 40 л.
27. ПМА. 2015: О., ж.
28. ПМА. 2008.
29. Подробнее об этом см.: Kristín Loftsdóttir. Iceland, rejected by McDonald's: desire and anxieties in a global crisis // Social Anthropology. 2014. № 22. P. 340–353.
30. Об истории «создания» *lopapeysa* и конструирования его как национальной исландской одежды см. подробнее: Gudrun Helgadóttir. Nation in a sheep's coat: The Icelandic sweater // FORMakademisk. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 59–68.
31. ПМА. 2008–2009.
32. ПМА. 2015: М., ж., 58 л.
33. Я была свидетельницей ситуации, когда местное молодёжное телевидение решило снять передачу про национализм. В качестве объекта съёмки были выбраны футбольные фанаты и члены Общества исполнителей рим «Идунн», собрание которых мне удалось посетить. Про последних в итоге было решено сделать отдельный сюжет, т.к. журналистам не удалось найти у них «националистическую идею».
34. ПМА. 2015: С., м., 33 г.
35. ПМА. 2015: А., ж., 24 г.
36. Исландия входит в число участников Шенгенского соглашения.
37. ПМА. 2015: Ш., м., 42, из России; Л., ж., около 40 л., из Латвии.
38. ПМА. 2015: А., ж., 24.
39. ПМА. 2015: П., м., около 40 л.
40. ПМА. 2015: П., м., около 40 л.
41. Jóhann Óli Eiddsson Niu af hverjum tíu landsmönnum vilja taka á móti flóttamönnum // Vísir. 04.09.2015 (эл. ресурс: <http://www.visir.is/niu-af-hverjum-tiu-landsmoennum-vilja-taka-a-moti-flottamonnum/article/2015150909401>).
42. <https://www.facebook.com/events/1481734488816658/>
43. Необходимо отметить, что иммиграционная политика Исландии – одна из самых жёстких в Европе, и до этого года в получении убежища отказывали абсолютному большинству просящих; с 1956 г. убежище получили 511 чел.
44. Напротив, опрошенные мной иностранцы относились к этой идее гораздо прохладнее, говоря о нереальности подобных цифр и о возможных экономических и культурных последствиях (ПМА. 2015).
45. ПМА. 2015: Б., м., 80 л.
46. ПМА. 2015.
47. ПМА. 2015: ОМ, ж., из России.
48. ПМА. 2015. Нужно заметить, что уровень владения английским среди столичных жителей высок: практически все могут в той или иной степени объясняться на нем.
49. ПМА. 2015: В., м., 79 л.
50. Согласно исследованию Исландского туристического бюро (июнь–октябрь 2014, опрошено 2629 чел. из различных стран), 79,6% респондентов приехали в Исландию из-за интереса к природе/стране в целом; 40,7% – из-за интереса к исландской культуре и истории (Ferðamálastofa – Icelandic Tourist Board. International Visitors in Iceland. Summer 2014. Rvk., 2014. P. 5. (эл. ресурс: [http://www.ferdamalastofa.is/static/files/ferdamalastofa/Frettamyndir/2014/desember/2014-12-17\\_ferdamalastofa\\_erlendirferdamenn\\_an\\_vaka\\_maskinuskysrsla\\_enska.pdf](http://www.ferdamalastofa.is/static/files/ferdamalastofa/Frettamyndir/2014/desember/2014-12-17_ferdamalastofa_erlendirferdamenn_an_vaka_maskinuskysrsla_enska.pdf)).
51. ПМА. 2015: А., ж., 24.
52. См., напр.: *Hastrup K. A Place Apart. An Anthropological Study of the Icelandic World.* Oxford, 1998.
53. Friðrika Benónýsdóttir. Þórarinn hélt höfðinu // Vísir. 23.05.2014 (эл. ресурс: <http://www.visir.is>).

- visir.is/thorarinn-helt-hofdinu/article/2014705239923); Íslendingasögurnar færðar Noregskonungi (эл. пeсyпc: <http://www.iceland.is/iceland-abroad/no/islenska/frettir-og-tilkynningar/islendingasogurnar-faerdar-noregskonungi/11359/>); *Heimir Pálsson*. Skald och kung (эл.пeсyпc: <http://samfundet-sverige-island.se/artiklar/48-skald-och-kung>).
- <sup>54.</sup> ПМА. 2015: Торарин Элдьярн, м., 66 л.
- <sup>55.</sup> ПМА. 2015: Д., ж., 57 л.
- <sup>56.</sup> ПМА. 2015.
- <sup>57.</sup> ПМА. 2015: П., м., около 40 л.
- <sup>58.</sup> ПМА. 2015: А., ж., 24 г.
- <sup>59.</sup> *Jón Karl Helgason*. Continuity? The Icelandic Sagas in Post-Medieval Times // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / Ed. by R. McTurk. Cornwall, 2005. P. 64–81.
- <sup>60.</sup> ПМА. 2015: А., ж., 24 г.
- <sup>61.</sup> *Guðmundur Andri Thorsson*. Erkisögur Íslendingins // *Morgunblaðið*. 05.10.2015. S. 13.
- <sup>62.</sup> ПМА. 2015: А., ж., 24 г.
- <sup>63.</sup> Здесь необходимо отметить, что ели не являются эндемичным для Исландии видом – они стали завозиться из Канады и России во второй половине XX в. Местные деревья – карликовые, поэтому высаженные ели воспринимаются «не по-исландски». В то же время, согласно источникам, когда перво-поселенцы прибыли в Исландию, она была покрыта лесами (однако деревья вырубали для строительства, и пейзажи Исландии сравнительно быстро приобрели вид, близкий к современному).

## ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

### «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

#### 1990 г.

- №1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

#### 1991 г.

##### Серия А:

- №11 *Сагаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 *Гурвич И.С., Батьянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
- №17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).

- №18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакаской АО (май–июнь 1990 г.).
- №19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Меннониты Оренбургской области.
- №20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

##### Серия Б:

- №1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
- №3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

#### 1992 г.

##### Серия А:

- №26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
- №28 *Сагаева С.К.* Российское казачество.
- №29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.

- №31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
- №32 *Губогло М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 *Гузенькова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

##### Серия Б:

- №5 *Празаускас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 *Соколова И.В.* Политика официального идеализма в Мексике (идеология и практика).

#### 1993 г.

- №35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение звенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 *Бутанаев В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 *Батьянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 *Буряхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 *Шнирельман В.А.* Бикинские удэгейцы: политика и экология.
- №44 *Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е.]* Поиски решения проблем в Ногайской степи. *Викторин В.М.* Астраханские ногайцы.
- №45 *Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 *Кьдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.

- №47 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинство (пример Эстонии).
- №53 *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

## 1994 г.

- №55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 *Червоная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 *Таболкина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 *Филиппов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, язык, политика.
- №61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 *Столярова Г.Р.* Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 *Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 *Восходов И.И., Комарова Г.А.* Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 *Шабаяв Ю.П., Розачев М.Б., Котов О.В.* Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 *Акжиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.
- №69 *Абаева Л.Л., Кранев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Рес-

- публике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
- №70 *Хаджибиев Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 *Зыков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 *Куликов К.И., Христолюбова Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.
- №74 *Кужуев А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 *Зубков А.А., Маресьев В.В.* Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
- №80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

## 1995 г.

- №81 *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.
- №84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 *Рубан Л.С.* Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А.* Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 *Смольникова Н.В.* Немцы Поволжья:

современные этнополитические проблемы.

- №89 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

## 1996 г.

- №92 *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / *Брусина О.И.* Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане!.
- №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
- №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
- №97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
- №98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 *Казан, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
- №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

## 1997 г.

- №101 *Червоная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
- №102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
- №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
- №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
- №105 *Аришин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
- №106 *Шабаяв Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
- №107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.
- №108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-

но-экономическая ситуация в северокавказском регионе.

- №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.  
№110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

## 1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).  
№112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.  
№113 *Червоная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.  
№114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.  
№115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.  
№116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.  
№117 *Смольникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.  
№118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).  
№119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.  
№120 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

## 1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.  
№122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.  
№123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.  
№124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).  
№125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?  
№126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?

№127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.

- №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.  
№129 *Червоная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.  
№130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

## 2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.  
№132 *Перепись – 2002: проблемы и суждения.*  
№133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.  
№134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.  
№135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.  
№136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.  
№137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.  
№138 *Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.*

## 2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.  
№140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).  
№141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.  
№142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.  
№143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.  
№144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.  
№145 *Стеланов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

## 2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.  
№147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Се-

верном Кавказе и современность.  
№148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.

- №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.  
№150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.  
№151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.  
№152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.  
№153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.  
№154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.  
№155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).  
№156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.  
№157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.  
№158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.  
№159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

## 2003 г.

- №160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».  
№161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.  
№162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).  
№163 *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.  
№164 *Аксянова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).  
№165 *Анайбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).  
№166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

## 2004 г.

- №167 *Харитонов В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.  
№168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.  
№169 *Фаус О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам

экспедиции).

- №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 *Губоев М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

## 2005 г.

- №176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 *Грачев С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Литерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пианева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 *Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.*

## 2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирин А.А., Фондал Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 *Александренков Э.Г.* Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судеб-

ная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.

- №190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 *Анаибан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

## 2007 г.

- №193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI в.).
- №195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шабеев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Баняева М.Г.* Бурятская община Москвы.

## 2008 г.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирин А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонов В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).

№208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

## 2009 г.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Францию.
- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 *Элштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
- №215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

## 2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
- №217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 *Европейская языковая Хартия и Россия.*
- №219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
- №220 *Оларин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 *Шльгина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.
- №222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
- №223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

## 2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.

№227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

### 2012 г.

№228 *Лопуленко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.

№229 *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.

№ 232 *Устинова М.Я.* Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

№ 233 *Малькова В.К.* Полиэтническая Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве».

### 2013 г.

№ 234 *Мартынова М.Ю.* Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

### 2014 г.

№ 235 *Малькова В.К.* Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 *Белова Н.А.* Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 *Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шплинев В.Н.* Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

№ 240 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.)

№ 244 *Снежжкова И.А.* Армянская церковь в Москве.

№ 245 *Эпштейн А.Д.* Европейское еврейство в начале XX начале XXI вв.: исчезающие этнокультурные общности?

№ 246 *Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь вне России: Киргизия.

№ 247 *Григулевич Н.И.* Опыт исторического и этноэкологического анализа Верхневолжского региона.

№ 248 Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия).

### 2015 г.

№ 241 *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности.

№ 242 *Тышков В.А.* Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход).

№ 243 *Малькова В.К.* «Крым наш!» в российском информационном пространстве.

---

Подписано к печати 2.12.2015 Тир. 100 экз. Печ. л. 3,8 Заказ № 79

---

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

**Игнатъев Роман Николаевич** – научный сотрудник Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН, кандидат исторических наук. Область интересов: балканская этнография, этнология Европы, историческая антропология.

**Кожановский Александр Николаевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов – этнология и история народов Испании, Латинской Америки, России и «ближнего зарубежья». Автор более ста научных работ, среди которых книги: «Народы Испании во второй половине XX века (опыт автономизации и национального развития)» (М., 1993) и «Быть испанцем. Традиция. Самосознание. Историческая память» (М., 2006).

**Кучерова Ирина Алексеевна** – младший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН. Научные интересы: антропология Исландии, историческая антропология, средневековая исландская литература.

**Холлер Екатерина Викторовна** – кандидат исторических наук, этнолог, независимый исследователь. Является специалистом по Австрии и немецкоязычному региону. В 2014 г. защитила кандидатскую диссертацию в ИЭА РАН на тему «Австрийские фермеры в начале XXI века: традиции и инновационные стратегии». Научно-исследовательские интересы: австрийский регион, социология крестьянства и сельского хозяйства, идентичность и глобализация, постмодернизм, структурализм, этнология туризма, биоиндустрия и социология потребления.

**Roman Ignatev** – PhD in History (Cand. Hist.), is Research Fellow at the Center for European and American Studies (IEA RAS). His research interests include Balkan ethnography, ethnology of Europe and historical anthropology.

**Alexandr Kozhanovsky** – PhD Habil. in History (Dr. Hist.), is Leading Researcher at the Center for European and American Studies (IEA RAS). His publications include monographs on Spanish national identity: «Peoples of Spain in the Second Half of the 20th Century: The Experience of Autonomy and National Development». M., 1993 [in Russian] and «To be a Spaniard. Tradition. Identity. Historical Memory». M., 2006 [in Russian]. His research interests are ethnology and history of the peoples of Spain, Latin America, Russia and Soviet Union.

**Irina Kucherova** – Junior Researcher at the Center for European and American Studies, Institute of Ethnology and Anthropology (IEA RAS). Research interests: anthropology of Iceland, historical anthropology, medieval Icelandic literature.

**Ekaterina Holler** – an independent researcher specializing in anthropology of Austria and German-speaking area. In 2014 she received her PhD in History (Cand. Hist.) from the IEA RAS. Her research interests focus on Austrian region, sociology of peasantry and farming, identity and globalization, postmodernism, structuralism, anthropology of tourism, organic industry and consumption studies.

